

Последний расчет

Автор:

Хьелль Ола Даль

Последний расчет

Хьелль Ола Даль

Франк Фрёлик #3

Найден труп Катрине Браттеруд, бывшей проститутки и наркоманки, завершающей курс реабилитации в медицинском центре «Винтерхаген». Похоже, девушка стала жертвой насильника. Убийцей может быть кто-либо из сотрудников центра, с которыми Катрине накануне провела вечер, и один из ее бойфрендов – нынешних или бывших. Но инспектор Гунарстранна не склонен доверять версиям, лежащим на поверхности. Он начинает расследование, держа в уме мотивы и обстоятельства, отсылающие к темному прошлому семьи Браттеруд. Однако действительность оказывается гораздо страшнее...

Хьелль Ола Даль

Последний расчет

Copyright © Kjell Ola Dahl 1993

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Часть первая

Женщина на мосту

Глава 1

Посетитель

Она сразу поняла: с этим посетителем что-то не так. Правда, все началось не сразу. Конечно, она видела, как открылась дверь, и про себя отметила, что вошедший направился не к их стойке, а к стеллажу с путеводителями. Не отвлекаясь от текущих дел, Элизе изредка косилась на него. Ей предстояло разработать оптимальный маршрут поездки в Копенгаген для семьи из трех человек. Элизе беседовала по телефону с матерью семейства. Та все время колебалась и смущалась, не в силах выбрать, что лучше – лететь в Данию и обратно на самолете или плыть на пароме «Стена Сага», который соединяет Осло и датский Фредериксхавн; да, она понимает, что на пароме можно переправляться вместе с машиной, тогда в Дании им легче будет передвигаться...

Элизе посмотрела на Катрине. Та тоже была занята. Наушники с микрофоном удерживали ее пышные волосы, хотя одна светлая прядка спадала на тонкий нос. Катрине сосредоточенно смотрела в монитор и слегка морщила лоб, как всегда, когда решала какую-то непростую задачу. Ее взгляд перемещался с клавиатуры на монитор и обратно; длинные темные ресницы, похожие на крошечные веера, то поднимались, то опускались. Элизе невольно залюбовалась Катрине, но та была поглощена работой и ничего вокруг не замечала. Пухлые губки непроизвольно выпятились еще больше.

Иногда Элизе ловила себя на том, что испытывает к Катрине материнскую нежность. Девушка чем-то напоминала ей старшую дочь, только вела себя гораздо непосредственнее. И смеялась гораздо чаще и охотнее, чем дочь Элизе. Иногда Элизе забывалась и ей казалось, что рядом и вправду сидит ее дочь. Катрине, наверное, тоже догадывалась о том, как Элизе к ней относится. Возможно, гиперопека Элизе ее даже немного напрягала.

Когда через несколько секунд посетитель направился к стойке, Элизе отложила телефон, подняла голову и приготовилась поздороваться. Однако посетитель не обратил на нее никакого внимания. Он смотрел на Катрине. Элизе возобновила разговор, мельком заметив, что Катрине приветливо кивнула клиенту – чисто механически, не отрываясь от монитора. Элизе еще подумала: надо будет потом сделать ей замечание. Это неправильно – здороваться с клиентом, не глядя на него. Клиент приходит сюда, ожидая, что вокруг него все начнут прыгать. Каждый посетитель считает себя пупом земли. Он злится, если ему кажется, что к нему относятся невнимательно и равнодушно. Такая реакция совершенно естественна.

Элизе успела заметить, как Катрине сняла наушники и что-то сказала. Слов она не расслышала. Однако то, что случилось потом, Элизе запомнит на всю жизнь. Посетитель был довольно высокий, на вид ему можно было дать лет сорок. После Элизе утверждала, что от него исходили ярко выраженные сигналы: «Опасно!» Его одежду составляли черный кожаный жилет, наброшенный на голое тело, и потертые джинсы с дырами на коленях. Элизе поморщилась, заметив, что волосы он стянул в хвост на затылке. Молодому парню такой стиль еще подходит, но сорокалетнему мужчине... В одном ухе посетителя она заметила большую золотую серьгу. Когда посетитель вдруг перегнулся через стойку и схватил Катрине, Элизе заметила у него на плече уродливый шрам. Короче говоря, внешность у посетителя была самая бандитская.

Бандит одним прыжком перемахнул через стойку и замахнулся на Катрине. Та в ужасе привстала; ее стул с шумом и треском отскочил к стене.

– Звони в полицию! – завизжала Катрине, падая на пол вместе со стулом.

Элизе еще подумала, как нелепо она выглядит – лежит на спине, растрепанные волосы облепили лицо, беспомощно дрыгает ногами в воздухе, – ни дать ни взять типичная тупая блондинка из романтической комедии шестидесятых. Хотя в голове по-прежнему крутились слова «нелепо» и «комедия», Элизе вскочила с места и в упор посмотрела на головореза. После ей трудно будет поверить, что она так храбро повела себя в трудную минуту. Мелькнула мысль: наверное, он хочет их ограбить. Правда, их бюро путешествий еще ни разу не грабили... Потом им придется справляться с последствиями шока.

Неожиданно посетитель-бандит обратил внимание на то, что в помещении, кроме него и Катрине, есть кто-то еще. Он покосился на Элизе, снова перевел взгляд на Катрине, которая по-прежнему лежала на полу. Нерешительно шагнул к стойке, видимо собравшись уходить. И тут молчание нарушила Элизе.

– Прошу прощения, молодой человек! – громко и отчетливо проговорила она.

Потом, вспоминая тот день, она будет невольно улыбаться. Ее вмешательство помогло, хотя слова казались в тот миг совершенно неуместными. Головорез снова посмотрел на нее и как будто засомневался. Потом... наверное, прошло несколько секунд, хотя Элизе показалось, что несколько минут... он снова перемахнул через стойку и бросился к выходу. Катрине неуклюже поднялась на колени; голову она обхватила руками. На пороге бандит обернулся и грубо крикнул ей:

– Делай, как я велел, ясно? Ясно тебе?

За ним захлопнулась дверь.

Элизе смотрела ему вслед разинув рот. Дверь выглядела точно так же, как несколько секунд назад, она нисколько не изменилась. Изменилось мироощущение Элизе, поэтому ей казалось, что все вокруг тоже стало другим.

– Что случилось? – в полном замешательстве произнесла она, совершенно ничего не понимая.

Катрине с трудом встала на ноги, отбросила назад пышные белокурые волосы, одернула юбку и прислонилась к стойке. Потом, не замечая, что потеряла сандалию, проковыляла к двери и заперла ее на ключ. Повернулась к Элизе и молча посмотрела на нее. Глаза у нее стали огромными, как блюдца, волосы разметались по плечам. Верхняя пуговица на блузке расстегнулась, она придерживала ворот одной рукой. В таком виде – растерзанная, ошеломленная – Катрине уже не напоминала Элизе дочь, скорее была похожа на красотку из мыльной оперы. Сама Элизе тоже не могла шевельнуться, как будто приросла к месту. В тишине слышалось только хриплое дыхание Катрине.

Неожиданно зазвонил телефон на стойке.

– Ты не возьмешь трубку? – спросила наконец Катрине.

– Конечно нет. Ты что, с ума сошла? – машинально ответила Элизе и тут же поняла всю нелепость своих слов.

Они посмотрели друг на друга, и Катрине расхохоталась.

– Кто был тот тип? – Элизе улыбалась дрожащими губами.

Катрине сразу перестала смеяться.

– Ну и грохнулась же я! – покрутила головой она. – Весь зад отбила! – Девушка выглянула в окно, на оживленную улицу, отперла дверь, высунула голову наружу. – Он уже ушел! – Катрине закрыла дверь и, прихрамывая, зашагала на место. По пути она подобрала вторую сандалию и подняла упавший стул. Телефон перестал звонить.

– Ты его знаешь? – с любопытством спросила Элизе.

Катрине отвела глаза в сторону, глубоко вздохнула, застегнула блузку, села, отряхнула спинку стула. Элизе видела, что ее молодая сотрудница лихорадочно подбирает слова. Судя по всему, отвечать ей совсем не хотелось.

Элизе терпеливо ждала, не сводя с нее взгляда.

– По-моему, он испугался, – нехотя проронила Катрине. – Когда я закричала, чтобы ты вызвала полицию... Мне кажется, он больше не вернется. –
Покосившись на Элизе, она поняла, что начальницу ее слова не убедили. Лицо у нее сделалось бесстрастным, равнодушным. – Элизе, – протянула она, – я говорю правду. Я приняла его за обычного клиента!

Элизе не отводила взгляда, чувствуя себя строгой школьной училкой.

– Не знаю, что и сказать!

– О чем ты? – Катрине резко повернулась.

Элизе видела, что девушка по-прежнему очень напугана. Но общаться с Катрине было непросто. Сейчас она вела себя как, бывало, ее дети в воскресенье утром. Спросишь, долго ли они вчера гуляли, и видишь, как у них бегают глаза... Элизе, ширококостная, толстая, медленно проковыляла к двери и снова заперла ее изнутри. Прислонившись к косяку, она властно скрестила на груди руки и начала:

– Катрине...

– Что? – Девушка невинно захлопала большими голубыми глазами, в которых застыло выражение упрямства.

– Тебе нравится здесь работать?

Катрине медленно кивнула.

– Мне уже перевалило за пятьдесят, и я хочу проработать здесь до пенсии, до шестидесяти семи. Я люблю свою работу. У сотрудников бюро путешествий много дополнительных преимуществ. Мне нравится почти бесплатно летать в Сидней. И очень не хочется раньше времени выходить на пенсию только потому, что ты не умеешь отличать старых друзей от старых любовников.

– Элизе...

– Мне очень неприятно говорить то, что я сейчас скажу, – продолжала Элизе. – Не знаю, получится ли у меня выразить свою мысль так, чтобы до тебя дошло. Мне показалось, что он грабитель... Я до сих пор дрожу, внутри все свело.

Катрине склонила голову набок.

– Извини... Но ведь я сама понятия не имела...

– У типа, который только что ушел, – перебила ее Элизе, – повадки настоящего бандита! По-другому и не скажешь...

Катрине, словно защищаясь, подняла руки ладонями наружу.

– Я никогда не спрашивала тебя о твоём прошлом, – продолжала Элизе и сразу пожалела о своих словах, заметив, как сникла её молодая сотрудница. – Я и сейчас не собираюсь ни о чём тебя расспрашивать. Мне важно только одно: могу ли я и впредь чувствовать себя на работе в безопасности. Если нет, мне придётся что-то предпринять. Поэтому... Тот тип как-то связан с твоим прошлым?

В голубых глазах Катрине по-прежнему читалось детское упрямство. Элизе мысленно отругала себя за бестактность. Зачем она вот так, в лоб... Катрине натянуто улыбнулась.

– Нет, Элизе, – ответила она, – тот тип не имеет никакого отношения к моему так называемому прошлому!

Элизе сразу поняла, что Катрине её обманула. Разговор смещался в опасную плоскость. Ей не удавалось найти нужные слова, чтобы сгладить неловкость. Катрине тоже было не по себе. В комнате повисло молчание. Катрине ничего не объясняла, не оправдывалась. Элизе словно оглохла. Она удивилась, когда поняла, что не слышит привычных уличных звуков: грохота трамвая, гудков, голосов.

– Значит, он может явиться сюда ещё раз? И тогда он набросится уже на меня? – спросила она.

– Нет, конечно.

Элизе глубоко вздохнула:

– Ему нужна была только ты?

Катрине отвернулась. Элизе терпеливо ждала.

– Да. Ты права... – нехотя буркнула она. – Он связан с... моим прошлым.

Элизе глубоко вздохнула и закрыла глаза. Очень важно, что Катрине во всем призналась. Пожалуй, это даже важнее, чем сегодняшнее происшествие. Можно надеяться, что между ними восстановятся прежние доверительные отношения...

Над ними не будет тяготеть ложь.

– Вот и хорошо, – тихо ответила Элизе, отпирая дверь и неуклюже возвращаясь на место. – Вот и хорошо!

Дверь скрипнула. Они обе вздрогнули и быстро посмотрели друг на друга. У Элизе пересохло во рту.

Но вместо бандита на пороге показалась молодая женщина, которая пришла посмотреть буклеты о круизах по Средиземному морю. Следующие два часа у них отбоя не было от посетителей. Шел обычный субботний день, насыщенный, с мелкими происшествиями – как всегда, не вовремя зависал компьютер, как всегда, в последний момент клиенты проявляли нерешительность. И все же всякий раз, как открывалась дверь, Элизе непроизвольно вздрагивала. Всякий раз, заслышав знакомый скрип, она вскидывала глаза на входящих, а потом косилась на Катрине. И всякий раз, независимо от того, свободна была Катрине или занята, ее огромные голубые глаза смотрели на Элизе с вызовом.

В субботу они закрывались раньше, чем в будние дни. Около двух Элизе развернулась на стуле лицом к Катрине и глубоко вздохнула, не зная, что сказать.

– Я догадываюсь, о чем ты думаешь, – заметила Катрине, массируя виски. – Ты хочешь, чтобы я позвонила в полицию.

– А тебе самой не кажется, что так нужно поступить? – осторожно спросила Элизе. – Ведь он тебе угрожал.

Катрине кивнула и ответила:

– Мне нужно подумать.

– Катрине... – начала Элизе.

– Прошу тебя, – прервала Катрине, – дай мне время подумать!

– Чего он от тебя хотел?

Катрине промолчала.

– Он твой бывший приятель?

– Наверное, считал себя таким... когда-то, очень давно.

– Он что же, ревнует тебя?

– Поверь мне, любовь тут совершенно ни при чем... – Катрине вздохнула. – Теперь и он, и куча других людей для меня всего лишь тени. Смешно, но я не сразу узнала его. Совершенно забыла, как он выглядит.

– Как его зовут?

Катрине наморщила лоб, ненадолго задумалась.

– Реймонд... Представь себе, я даже имя его забыла!

– Чего он от тебя хотел?

Катрине встала:

– Я тебе обязательно все расскажу, обещаю. Но не сейчас, не сию минуту. Мне нужно подумать. Скорее всего, сама я не справлюсь, придется просить кое-кого о помощи. А потом непременно все тебе расскажу.

– Ладно, – кивнула Элизе. – Какие у тебя планы на вечер?

– Сегодня у меня очень неприятное дело...

Элизе улыбнулась и сразу представила себе бритоголового дружка Катрине.

– Хочешь порвать с ним?

– С кем, с Уле? – Катрине улыбнулась и покачала головой. – Нет... если уж кто кого бросит первый, то скорее он меня. Но сегодня он пойдет со мной.

– Куда?

– В гости.

– А тебе совершенно не хочется туда идти?

– В том-то и дело. – Катрине тяжело вздохнула. – Мне совершенно не хочется туда идти, но надо.

Глава 2

Под вечер

Уле с трудом принял сидячее положение. Ну и диван! Катрине купила его на блошином рынке, и сидеть на нем было совершенно невозможно. Диван изготовили пару десятков лет назад. Тогда делали долговечные, прочные каркасы и клали на них пухлые, мягкие подушки. На таком диване невозможно найти опору для спины. Приходится либо лежать, либо сидеть, согнув ноги под острым углом. Уле раздражало, что у Катрине такой диван. Гостям поневоле приходилось на нем разваливаться. Когда сама Катрине устраивалась на диване, она всегда подгибала под себя ноги, принимая очень соблазнительную позу. Катрине вообще излучала чувственность, что бы она ни делала. Представив ее себе, Уле еще больше разозлился. По телевизору показывали заставку – почему-то логотип «Викингов» из Ставангера, хотя играли «Мольде» и «Стабек». Паршиво играли, надо сказать. Фроде Олсен, голкипер, с таким же успехом мог заниматься гимнастикой на перекладине ворот; похоже, и операторов больше самого матча интересовало, что творится на скамейке, где сидели тренеры «Мольде».

Мимо дивана неспешно прошла Катрине – разумеется, голая, с влажными после душа волосами. Подойдя к телевизору, она молча прикрутила звук.

– Ну а сейчас в чем дело? – буркнул Уле.

– Ни в чем.

– Мне что, нельзя посмотреть телевизор?

– Да можно, можно! Но неужели ты ничего не услышишь, если сделать немножко потише? Мне надо позвонить.

Она вышла в прихожую и захлопнула за собой дверь. За матовым стеклом очертания ее фигуры стали размытыми. Уле видел, что она присела к телефону. Да, Катрине – она такая: пошла кому-то звонить, не удосужившись даже одеться, зато позаботилась о том, чтобы он ничего не слышал. Он терпеть не мог ее скрытности и, как ему казалось, пренебрежения к себе. Уле сам не понимал, что заводило его больше – ее равнодушная нагота или то, что она закрылась, как будто он не имеет права знать, чем она занимается. В порыве ярости он вскочил с дивана и распахнул дверь.

– Сама прикрути звук! – рявкнул он.

Катрине взглянула на него. Взгляду нее был спокойный. Телефонный кабель скрутился петлей на голой груди. Ну прямо картинка из мужского журнала!

– И почему ты не оденешься? – продолжал он.

– Милый Уле, я только что из душа.

– Но ведь одеться могла бы!

– Уле, у себя дома я имею право вести себя как мне хочется.

– Но сейчас здесь я!

Она положила трубку и повернулась к нему.

– Обычно тебе нет дела, одета я или нет. – Она встала, сняла с крючка на стене полотенце, нарочно долго обматывалась им. Полотенце не до конца скрыло ее груди, и оно доходило до середины бедер. – Ну что, доволен? – Катрине снова села к телефону, взяла трубку и посмотрела на него снизу вверх.

– Нет! – Он все больше злился, потому что она нарочно говорила с ним холодно. За дурака его держит!

Ее голубые глаза полыхнули огнем.

– Мне нужно позвонить. Будь добр, уйди и дай мне спокойно поговорить.

– Кому ты звонишь?

– Не твое дело.

– Ах, не мое дело? – Кровь отлила от лица Уле Эйдесена.

Катрине вздохнула, закинула ногу на ногу, не спеша расправила полотенце.

– Уле, прекрати!

– Я хочу знать, кому ты звонишь.

– Зачем?

– Просто так.

– Я ведь никогда не спрашиваю, кому ты звонишь.

– А я хочу знать, кому ты звонишь сейчас.

– Зачем? – Катрине глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Я имею право.

Она прищурилась. Он терпеть не мог, когда она прищуривалась, а ее голубые глаза становились бесстрастными, суровыми и решительными.

– Уле, лучше не надо. Ты должен уважать мое право на личную жизнь!

Уле зажмурился. Продолжать не хотелось, но остановиться он уже не мог:

– Ты не должна от меня закрываться.

– Что ты сказал?

– Не закрывайся от меня!

– Я имею право побыть одна. И сама решаю, закрываться мне или нет, – угрожающе тихо ответила Катрине. – И всем... в том числе тебе... придется считаться с моими желаниями.

– Ты не одна, раз треплешься с кем-то по телефону!

Катрине посмотрела на стену с таким видом, как будто считала про себя. Глубоко вздохнула.

– Уле, не надо, – попросила она. – С меня хватит ревнивцев!

– Хочу знать, кому ты звонишь. Ты не имеешь права быть такой скрытной!

– Ах, вот как? – угрожающе тихо, почти шепотом спросила Катрине.

Уле метнулся вперед и, сам не понимая, что происходит, схватил ее за волосы и рывком вздернул вверх.

– Ай! – вскрикнула Катрине, вынужденно прижимаясь к нему. Полотенце упало на пол; мужская ладонь обхватила ее мягкую грудь. – Пусти!

Уле выпустил девушку так же внезапно, как и схватил; внутри все стало холодным как лед.

– Из-вини, – промямлил он и попробовал ее обнять.

Катрине уже успела завернуться в полотенце; на глазах у нее выступили слезы.

– Пошел вон! – Она оттолкнула его.

– Прости, пожалуйста!

– Ты совсем чокнулся! – Она провела пальцами по волосам.

– Я же извинился, разве не так?

– А я прошу тебя уйти! – крикнула Катрине. – Пошел вон! Мне надо позвонить.

Униженный Уле поплелся в гостиную.

– Ты не имеешь права заводить от меня тайны, – промямлил он. – Никакого права не имеешь, мать твою!

– Вон! – прошипела Катрине и снова захлопнула дверь.

Уле смотрел на очертания ее фигуры за матовым стеклом. Она глубоко вздохнула, встала, подошла к зеркалу, повернулась к нему спиной. Потом стала расхаживать туда-сюда. Он следил за ее силуэтом. Катрине снова села к телефону и взяла трубку. Он увидел, как изменилась ее жестикуляция. Она поглаживала себя по голове, небрежно отбрасывая пряди назад. Голос стал тихим и нежным; она с кем-то говорила, произносила слова, которые он не мог разобрать. Зато он слышал ее смех. Ревность разъедала его. Он хотел знать, кому она звонит. Она не имеет права скрывать! Ничего, скоро она поймет, что ее ждет, если она по-прежнему будет так к нему относиться!

Услышав вопли болельщиков, Уле посмотрел на экран. Там шел замедленный повтор. Фроде Олсен почти горизонтально завис в воздухе и кончиками пальцев дотянулся до мяча. Игрок «Мольде» в синей форме сжал кулаки, демонстрируя свое разочарование. Но футбол перестал интересовать Уле. Он мог думать только о Катрине, которая нежно прижимала к себе трубку и собиралась

набрать еще один номер. Внутри у него все застыло. Она ему изменяет! Сидит в трех метрах от него и изменяет ему! Перед самым его носом!

Глава 3

Званный ужин

Аннабет и Бьёрн накрыли стол в большой угловой комнате. Стол был сложной многоугольной формы, с неравными сторонами. На тарелках лежали карточки с именами гостей. Катрине досталось место в углу, ближе к короткой стороне стола. Почти никого из приглашенных она не знала. Знакомыми были только сотрудники центра реабилитации. Сигри и Аннабет сидели довольно далеко от нее. Зато напротив устроился Бьёрн Герхардсен, муж Аннабет. Будет непросто, подумала Катрине после того, как они сели за стол, украдкой переглянувшись. Уле расположился рядом с Бьёрном. Через одно место от Уле сидел какой-то толстяк, которого она несколько раз видела в реабилитационном центре, но с которым не была знакома. Скорее всего, решила Катрине, он из руководства. К тому же, судя по его повадкам, он гей. Уж больно характерно он говорит и жестикулирует. Между Уле и геем сидела незнакомка лет тридцати. Ее Катрине тоже не знала, хотя ей показалось, что Уле она понравилась; он то и дело украдкой косился на нее. Незнакомка, со своей стороны, поощряла его лукавыми улыбками, что не предвещало ничего хорошего. Катрине успела разглядеть фигуру незнакомки, пока гости рассаживались. Ростом ниже ее, зато у нее длинные, просто бесконечные ноги в прозрачных колготках. Ноги с успехом заменяли ее недостатки – тусклые волосы с секущимися кончиками, руки с короткими пальцами и некрасивыми ногтями, изгрызенными чуть ли не до мяса. Лицо с несколько неправильными чертами буквально дышало чувственностью. А еще незнакомка могла похвастать чудесной золотистой кожей и большими умными глазами. Катрине поняла, что Уле будет чем заняться. Его сразу потянуло к длинноногой. Странно, отметила Катрине, ей совсем не хочется ревновать. Она испытывала только досаду – ее раздражала неловкость Уле. Неужели так трудно заговорить с женщиной, которая тебе нравится? Катрине невольно испугалась, сообразив, что совершенно не ревнует. Она вспомнила сеансы психотерапии, свои эмоциональные срывы. Опасность налицо... И как прикажете это понимать? Катрине сосредоточилась. В некотором смысле из-за того, что интерес Уле к другой женщине только раздражал ее, Бьёрн Герхардсен казался крупнее, мощнее и опаснее. Катрине все труднее становилось

уклоняться от его пристального взгляда. Наверное, поэтому разговоры за столом то и дело обрывались. Хуже того – Катрине начала думать, что гости чувствуют себя неловко именно из-за нее. Ее смятение угнетающе действует на остальных. Нет, не может быть. Она просто дура! Катрине понимала, что дело не в ней, однако никак не могла расслабиться. Ей стало жарко; захотелось оказаться где угодно, только не здесь. Общее уныние время от времени нарушала Аннабет. Встав со своего места во главе стола, она кричала: «Ваше здоровье!» Катрине казалось, что все прибегают к спиртному как к лекарству. Сама она пила только минеральную воду. Когда Бьёрн Герхардсен попытался налить ей красного вина, она закрыла свой бокал ладонью.

После горячего длинноногая соседка Уле достала сигарету. Герхардсен тут же принялся хлопать себя по карманам пиджака. Уле ничего не замечал. Но пухлый гей подоспел первым и, галантно поклонившись, щелкнул зажигалкой.

– Я победил, – ухмыльнулся он, глядя на Бьёрна Герхардсена.

Все рассмеялись. Детская выходка разрядила атмосферу. Рассмеялась даже Катрине. Ей стало чуть легче.

– Твое здоровье, Георг! – воскликнула Аннабет, подняв бокал.

– Не Георг, а Гогген! – закричал в ответ толстяк. – Все называют меня Тоттенем... – Обращаясь к длинноногой незнакомке, он пояснил: – Видели нового ведущего в телешоу «В субботу вечером»? Помните его анекдот про психолога?

Длинноногая заранее засмеялась и закашлялась, поперхнувшись табачным дымом. Уле не отрываясь смотрел в ложбинку между ее вызывающими грудями.

«Мне здесь не место», – подумала Катрине.

– И тогда пациент говорит: «Озабоченный-то не я...» – Гогген выпрямился, надул щеки и соорудил глупую мину. Катрине поняла, что он кого-то изображает. – Он говорит психологу: «Доктор, вы сами хороши! Зачем такие картинки показываете?»

Длинноногая так и зашлась от хохота. Уле тоже. Катрине вдруг оцепенела: кто-то гладил ее под столом по ноге. Не Уле. Она не смела поднять голову, думая: «Только бы не Бьёрн! Неужели ему хватает наглости... Хотя, кроме него, некому». Она вздрогнула и покраснела; лоб покрылся испариной. Чужая нога поднималась по ее лодыжке и медленно опускалась. Вверх и вниз, вверх и вниз.

Катрине закрыла глаза и отпихнула чужую ногу. И тут он себя выдал. Покосившись на Бьёрна Герхардсена, она заметила, что он несколько не смущен. Улыбался он вкрадчиво и в то же время вызывающе.

Ощувив на себе чей-то пристальный взгляд, Катрине повернула голову и встретила глазами с Аннабет. Заметила или нет? Во всяком случае, о чем-то догадалась. В животе у Катрине словно завязался тугой узел. «Аннабет все знает...» – подумала она. Вот стерва! И Бьёрн знает, что она знает... Наверное, сам ей признался... Она невольно покосилась на мужа Аннабет. Бьёрн улыбнулся и подмигнул ей. Кто еще что-то заметил? Аннабет, разумеется, и Гогген. Толстый гомосексуалист почуял в воздухе магнетизм, как олень чует в сумерках взгляд охотника... Он разглядывал ее с новым интересом. А Герхардсен продолжал улыбаться. Катрине опустила глаза, хотя в то же время презирала себя за то, что заранее готова сдаться. По шее заструился ручеек пота.

– Здесь так накурено! – воскликнула она. – Пойду подышу воздухом. – Спотыкаясь о чужие ноги, она направилась на террасу. Женская рука открыла ей дверь. Выйдя на террасу, она услышала, что другие гости тоже встают из-за стола.

– Кофе и ликеры в гостиной! – закричала Аннабет. – Наливайте себе сами! У нас самообслуживание... хозяева тоже хотят отдохнуть! – На последнем слове ее голос дрогнул.

Катрине дышала полной грудью. В июне ночи наступают поздно... Она облокотилась о перила и посмотрела вниз, на подсвеченный бассейн, и подумала, что в него, наверное, можно нырнуть отсюда, с террасы. Голубой полупрозрачный прямоугольник находился в центре вымощенного плиткой пространства. Двор окружали плодовые деревья. За ними угадывался уличный фонарь, который отбрасывал оранжевые отблески на тротуар за оградой. Катрине посмотрела еще дальше. Осло не было видно из-за рощи.

Она поняла, что он рядом, еще до того, как он заговорил. Он неслышно подошел к ней вплотную и остановился сзади. Катрине снова покрылась испариной.

– Так вот ты где... – прошептал вкрадчивый голос, и ее передернуло от стука его каблуков по плитке. – Коньяку?

Он поставил бокал на парапет широкой балюстрады. В пузатом бокале с коричневой жидкостью подрагивала искаженная светло-желтая дверь, ведущая в дом. Пальцы у него были толстые, раздутые. «Наверное, он не может снять обручального кольца», – подумала Катрине. Старомодные наручные часы – синеватый циферблат на толстом металлическом браслете; такие выглядели бы уместно в старом фильме про Джеймса Бонда.

– Нет, спасибо, – ответила она. – Ты видел Уле?

– Тебе нравится наш сад? – спросил Герхардсен, будто не слыша ее вопроса.

Катрине посмотрела вниз и увидела свое отражение в голубой воде бассейна. Рядом с ней колыхалось отражение Герхардсена. Старомодная фигура в старомодной одежде рядом с густо накрашенной блондинкой. Черт, тоже как в фильме про Джеймса Бонда!

– Сад большой, – вежливо ответила она. – Представляю, как трудно за ним ухаживать!

Герхардсен прислонился к балюстраде и мелкими глотками пил коньяк.

– Может, ты бы могла время от времени приходить и помогать нам? – с улыбкой предложил он. – Ты ведь отлично умеешь работать руками!

Она окаменела. Он улыбался по-прежнему нагло и вкрадчиво... Хотя она вступила на знакомую территорию и понимала, что с ним она как-нибудь справится. Глядя на него в упор без всякого выражения, она почувствовала, как ее понемногу отпускает.

– У тебя хорошая память. – Она тут же пожалела о своих словах, ведь он мог неправильно ее понять. Она все равно что бросала ему спасательный круг, за

который он, конечно, жадно ухватился.

– У тебя тоже.

Катрине не могла сдвинуться с места. Из дома доносился громкий смех. Званный вечер в разгаре!

– Если хочешь, я покажу тебе сад, – предложил он, гадливо усмехаясь.

Ее губы скривились в безрадостной презрительной улыбке.

– Какая же ты сволочь! – медленно и отчетливо произнесла она и сразу поняла, что победить ей не суждено. Он на своей территории. Он у себя дома. Она оказалась здесь по его приглашению. Ею тоже угощают гостей... она нечто экзотическое. Аннабет и Бьёрн, наверное, хвастают ею... «Пожалуйста, посмотрите! Здесь у нас африканская ваза, вон там, на стене, резные маски... Здесь столик... Кстати, среди гостей есть одна несчастная наркоманка, которую Аннабет удалось вытащить... Как по-твоему, которая она? Верно, вон та блондинка, и такая симпатичная, верно?»

Тут она ощутила, как его рука скользнула по ее бедрам.

– Не прикасайся ко мне! – прошипела она, хотя глаза наполнились слезами. Взгляд затуманила унижительная пелена.

Он кашлянул и сунул руку ей под юбку.

– Я сейчас закричу, – предупредила она, презирая себя еще больше за эти глупые слова. Произойди такое где угодно, на улице, на лестнице в многоквартирном доме, в любом месте, только не здесь, она бы знала, что делать! Ногой в пах... плюнуть в физиономию и бежать. Но здесь... Здесь она чужая, и она скована по рукам и ногам.

Герхардсен убрал руку и холодно ответил:

– погоди кричать!

Она обернулась и увидела, что на них из-за застекленной двери смотрит Аннабет.

– Тебя ищет жена, – сказала Катрине.

– Нет. – Бьёрн язвительно улыбнулся. – Она ищет нас. – Он поднял бокал и посмотрел на нее в упор.

Катрине отвернулась и будто издалека услышала собственный голос:

– Ты для меня ничто... пустое место! – Ее замутило. Какая же она идиотка! Отвернувшись, она вернулась в прокуренную комнату.

Пробираясь между гостями, она чувствовала, как их взгляды прожигают ее насквозь. Обернувшись, успела заметить, как гости перешептываются. Она неуклюже шла на место, чувствуя себя орангутангом в балете. Как же плохо! Уле сидел в дальнем углу комнаты рядом с длинноногой и что-то шептал ей на ухо. Длинноногая хихикала и кокетливо отбрасывала назад прядь волос. Кроме них, она узнала только Сигри из реабилитационного центра и Бьёрна Герхардсена.

Она подошла к Уле, и тот сразу же сник.

– Привет! – натужно произнес он и закашлялся.

Длинноногая разминала сигарету. Катрине не двигалась с места. Вскоре опытная длинноногая отвернулась и ушла.

– Пойдем общаться? – Уле взял ее за руку и потащил в соседнюю комнату. Посередине стояло пианино, и за ним восседал Георг, он же Гогген.

– Только не с ним, – шепнул Уле ей на ухо. – Он голубой!

Катрине с трудом улыбнулась. Все казались ей чужими, даже Уле. Вслух она сказала:

– Позови меня на помощь, если он начнет к тебе приставать.

Они заняли места в кружке вокруг Гоггена. Тот рассказывал, как они с его бывшим дружкой-официантом подшутили над одной теледивой. По словам Гоггена, дамочка решила, что будет очень занятно пообщаться с двумя геями. Они втроем всю ночь крепко пили и стали закадычными друзьями. Во время экскурсии по ее квартире все втроем рухнули на ее огромную кровать под балдахином и, как выразился Гогген, «сделали это».

– Мы оба ее поимели, – театральным шепотом продолжал Гогген. – Понимаете, одновременно. – Подмигнув Катрине, он обратился к Уле: – Знаешь, он сунул свой инструмент туда, куда его принято вводить... – Он помолчал; слушатели в ожидании эффектной концовки загоготали. – А я пристроился сзади!

Дружный смех.

Гогген возвысил голос и продолжал:

– Я очень возбудился, потому что наши члены все время терлись друг о друга... Представьте, нас разделяла довольно тонкая перегородка!

Катрине посмотрела на Уле в упор. Он покраснел – то ли от смущения, то ли от злости. Гогген тоже был красный... «Все вы одинаковы», – подумала Катрине, глядя на Гоггена. Толстяк перешел к пантомиме. Он кривлялся, откинувшись назад. Надул щеки, как будто играл на трубе. Потом разинул рот и высунул язык, покрытый белыми пятнами. Его глаза, мертвые и пустые, смотрели в пространство.

– Она орала не переставая, – продолжал Гогген. Когда он передразнивал теледиву, с его полной нижней губы капала слюна. – Вот так: «А-а-а... А-а-ах!»

Уле захотелось уйти; он схватил Катрине за руку. Она почувствовала, как ее отчуждение переходит в агрессию. Внезапную ярость, которая долго копилась. От злости ей даже стало легче. Она дернулась и покосилась на Уле. Однако тот, видимо, передумал уходить и устроился поудобнее.

Смех слушателей затих, и длинноногая, которая каким-то загадочным образом тоже очутилась рядом, прошептала своему соседу, но так, что все ее услышали:

– Вы не находите, что он немного вульгарен?

– Да-а-а! – Сосед сделал вид, что подавляет зевок, и похлопал себя ладонью по губам. – Лишь бы он не начал рассказывать о винтовом табурете для фортепьяно... ой-ой! – Сосед длинноногой покачал головой: – Поздно!

– Я пошел в отель «Бристоль», – говорил Гогген. – Вхожу и вижу, что в баре стоит такой красивый винтовой табурет... Я просто не смог устоять. Сел и сыграл сонатину. Я даже не замечал, что играю, пока не сообразил, что все вокруг замолчали. Но останавливаться было уже поздно... и я продолжал, а когда закончил, то почувствовал, что рядом со мной мужчина...

– Мужчина! – преувеличенно громко воскликнула длинноногая. – Как интересно!

– Кстати, о винтовых табуретах и женщинах... – громко заметил ее сосед. – Слыхали о толстухе, которая так хорошо играет, что каждый концерт ломает два табурета?

Уле ухмыльнулся. Он не возражал против того, чтобы посмеяться, если жертвой был Гогген. Глаза у него засверкали.

– Ломает табуреты? – переспросила длинноногая, подмигивая Уле.

– Да, конечно, они ведь очень хрупкие!

– Я почувствовал... – раздраженно прокричал Гогген, – чью-то руку...

– Не мою! – крикнул кто-то из гостей.

Все расхохотались.

– Очень смешно, очень смешно! – обиделся Гогген. – Итак, – продолжал он после того, как все снова обратили на него внимание, – я сидел и играл, а кто-то положил руку мне на плечо. – Он как будто впал в транс и закрыл глаза. Катрине заметила край его белков. – Я обернулся, – нарочито медленно продолжал Гогген, – поднял голову... и вздрогнул, когда чей-то голос произнес: «Мило!»

Убедившись, что все внимательно его слушают, Гогген снова помолчал, а потом продолжал:

– Красивый, бархатный, теплый голос... – Гогген положил руку на свое плечо, словно пытаюсь вернуть то чувство. Потом он изогнулся на табурете, притворяясь, что хватается за руку и оборачивается к ее владельцу. – «Это было очень мило», – произнес голос, а потом тот мужчина отпустил меня и дал...

– Дальше! – крикнула одна из женщин, сидевших за столом. Она обернулась, чтобы убедиться, что остальные разделяют ее любопытство. – Что он тебе дал?

– Помилуйте! Еще и рукой! – ответил кто-то из гостей.

– Тот мужчина, – невозмутимо продолжал Гогген, – был почтенный театральный деятель. Пер Абель! – Его слова попали в цель. По столу прокатилась волна восторженных вздохов. Гогген с торжествующим кивком оглядел собравшихся и повторил: – Пер Абель!

Катрине заметила, что в дверях, пошатываясь, стоит Аннабет. Она была пьяна, как и все остальные. Все эти лицемеры, фарисеи, которые по будням лечат от пристрастия к наркотикам, по выходным напиваются в стельку. Пьяные, возбужденные старики и старухи... Ее снова замутило.

Один гость, который не совсем понял, в чем соль рассказа, посмотрел на остальных с усмешкой:

– Гогген, разве Пер Абель не твой ровесник?

Все расхохотались.

– Кто это сказал? – Гогген встал и поднял руку вверх; его пухлые щеки затряслись от злости. – Кто это сказал? Того, кто это сказал, я вызываю на дуэль!

– Сядь, старый козел! – закричала какая-то женщина. – Сядь и подтяни бандаж!

Все снова захохотали, потянулись чокаться. Катрине отвернулась и краем глаза заметила движение. От двери к ней, спотыкаясь, брела Аннабет. Катрине

шагнула к ней навстречу, не отпуская руку Уле.

Аннабет покачивалась и с трудом сохраняла равновесие.

– К-катрине, – сказала она с теплотой в голосе, – н-надеюсь, тебе у нас хорошо? – Она проглатывала концы слов, потому что здорово напилась.

Хотя Катрине улыбалась в ответ, ее мутило все сильнее.

– Было очень вкусно, Аннабет. Очень мило.

Аннабет взяла ее за руку. Катрине опустила голову.

У Аннабет руки стареющей женщины. Кожа в пигментных пятнах, морщинистые пальцы унизаны кольцами... Катрине взглянула Аннабет в лицо. Она слишком много красится. И темные тени ей не идут.

– Мы так тебя любим, Катрине! – продолжала Аннабет и вдруг заплакала.

– Аннабет, ты что, плачешь?

Хотя Катрине хотелось оказаться очень далеко отсюда, ей удалось подобрать нужную сочувственную тональность. Вот Аннабет, директор реабилитационного центра, в стельку пьяная... Ей стало не по себе. Вернее, ей было не по себе с той минуты, как она пришла в этот дом. Теперь же в ней нарастали смущение и тошнота. Стало жарко; содержимое желудка просилось наружу. Она старалась не поддаваться тошноте, и ее разум оставался ясным. Она напоминала себе, что видела и более безобразные сборища. Катрине на секунду зажмурилась. Открыв глаза, увидела Уле. Он стоял за спиной Аннабет и восхищенно смотрел на нее. Внезапно Катрине почувствовала глубокое, яростное презрение к нему и ко всем окружающим. Она презирала Аннабет и ее надменных знакомых. Пьют все подряд – вино, пиво, коньяк, набираются храбрости и выбалтывают чужие унижительные тайны. Наверное, так проще? Ханжи проклятые... И Аннабет что-то нашептывает ей на ухо, но слушать ее нет сил. И тошнит... как тошнит! У Катрине зашумело в ушах. Она вдруг поняла, что совершенно ничего не слышит. Рядом с ней покачивалась Аннабет, шевеля губами, обнажая лошадиные зубы в черных точках – старушечьи зубы. Зубы женщины, которая слишком много курит

и произносит слишком много пустых слов. Глаза у Аннабет покраснели, заблестели от слез, тушь поплыла. В руке она держала открытую бутылку красного вина, размахивая ею и покачиваясь сама. Вот шагнула вбок, чтобы не упасть, и разбила бутылку о дверной косяк. Дальше все происходило как в замедленной съемке. Аннабет обдало душем из красного вина; Катрине показалось, что с Аннабет содрали кожу. Из нее фонтаном хлынула кровь, заливая волосы. Красные струйки бежали по лицу и шее – вместо лица как будто образовалась зияющая рана. Неожиданно звуки вернулись; Катрине услышала хриплый вопль, который испустила Аннабет. Один долгий миг она смотрела на Аннабет в глаза. Перед ней как будто открылись два темных, пустых туннеля, ведущих в мозг, который был не мозгом, а пульсирующим клубком белых червей. Содержимое желудка подступило к горлу. Катрине понимала, что ее сейчас вырвет, нисколько в том не сомневалась; она уже не могла сдерживаться. Перед глазами все поплыло. Белые черви приблизились, и красная жидкость все текла по лицу, по шее Аннабет, как кровь из фонтана...

Кто-то ее поддерживал. Катрине почувствовала, как колени касаются холодной плитки, и поняла, что ее выворачивает. Она стояла перед унитазом. Где-то далеко шумели гости. Она с трудом подняла глаза. Над ней стоял встревоженный Уле.

– Выйди отсюда, пожалуйста, – попросила она.

– Ты упала в обморок, – сказал Уле. – Старуха разбила бутылку вина, и ты вдруг отключилась. Классная вечеринка! Только напрасно ты так набралась.

Его лицо расплывалось перед глазами; Катрине прищурилась, чтобы лучше видеть его.

– Я не пила. Ни капли за весь вечер!

– Тогда почему тебя вырвало?

Она не ответила, потому что к горлу снова подступила тошнота. Хотя в желудке уже ничего не осталось, ей показалось, что она извергала из себя обжигающе горячий чай. Она потянулась за туалетной бумагой. Пальцы нащупали какую-то ворсистую ткань. Уле протягивал ей полотенце.

– Не знаю, – с трудом выговорила она. – Может быть, съела что-нибудь...

Он спустил воду. Шум льющейся воды заглушил голоса гостей. Катрине вытерла с лица остатки рвоты, сопли и слезы.

– Почему ты еще здесь? Я хочу побыть одна. Мне неприятно, что ты видишь меня в таком состоянии.

– Думаешь, мне приятно оставаться с теми, с остальными? – буркнул Уле.

Катрине кивнула, и на нее снова накатила тошнота, хотя она ничего из себя не извергла... Нет, извергла – каплю жгучей желчи. От двери потянуло сквозняком – Уле наконец вышел. Катрине вздохнула с облегчением. Ей в самом деле стало лучше.

Зачем Уле врет? Ему ведь здесь нравится! Он отлично вписался в компанию. Уле умеет поддерживать разговор, отпускает комплименты дамам и ведет светскую беседу с мужчинами. Уле здесь как рыба в воде... А она не в своей стихии. Не нужно было приходить. Катрине хотелось домой. Хотелось побыть с людьми, с которыми ей хорошо. Вот оно, решение! Домой. Хотя где он, дом?

Голова уже не так кружилась. Она с трудом встала, опираясь на унитаз. Села на крышку, посмотрелась в большое зеркало. Оказывается, в их доме можно сидеть на унитазе и любоваться собой. Наверное, Бьёрн Герхардсен, муж Аннабет, тоже смотрится в это зеркало... Наверное, по вечерам стоит здесь и мастурбирует перед тем, как лечь спать. Она покачала головой, прогоняя неприятное видение. У нее засосало под ложечкой. Хорошо, что тошнота прошла... Но все мышцы болят. Она сидела, как малолетняя проститутка после первого передоза, и ждала, когда ее накроет забвение... Плотно сдвинула ноги. Кожу стянуло, глаза распухли и слезились. Лицо бледное, волосы слиплись, надо лбом болтаются две пряди, похожие на сосульки. И тушь потекла... Катрине вспомнила, какое ужасное зрелище представляла Аннабет, залитая вином, и ее тут же снова затошнило. Она сглотнула слюну. Закрыла глаза и глотала, глотала, пока тошнота не ослабла. Теперь она знала, о чем нельзя думать. Она медленно открыла глаза и вновь посмотрелась в зеркало. Из-за двери доносились звуки музыки, смех и крики.

Если гости не обсуждали ее раньше, то теперь ее персона наверняка стала главной темой для разговора. «Слышали что-нибудь подобное? Бедной нищенке стало нехорошо; ее вырвало на вечеринке у Аннабет. Нет, вы только представьте!»

В дверь постучали.

Ей хотелось остаться одной, совершенно одной. Стук не прекращался. Стучали громко, уверенно. Так стучат социальные работники со словами: «Может, поговорим?» Так стучат старухи.

– Катрине! – услышала она голос Сигри. – Катрине! Как ты там?

Катрине хотелось остаться одной. Нет, ей хотелось быть с Хеннингом, сидеть и пить чай с Хеннингом, не чувствовать всеобщего напряжения, не ловить на себе косые взгляды.

– Катрине! – Сигри продолжала молотить в дверь.

Катрине встала и приоткрыла дверь.

– Боже мой, на кого ты похожа, бедняжка! – закудаhtала Сигри, заботливая, как всегда. Она с трудом протиснулась в ванную, включила воду и умыла Катрине. – Ну вот, теперь нам лучше?

– Пойду-ка я домой, – сказала Катрине, глядя на себя в зеркало и морщась. – Пожалуйста, попроси Уле вызвать такси.

– Лучше я сама вызову. Уле ушел в сад.

– В сад?

– Да, Аннабет решила показать гостям свой новый рыбный садок. Кто хочет, может еще поплавать в бассейне. погоди, я вызову тебе такси или попрошу кого-нибудь тебя отвезти.

– Да ведь здесь не осталось ни одного трезвого!

Сигри сдвинула брови:

– Возможно, у тебя сложилось такое впечатление, но довольно многие не выпили ни капли.

– Ладно, забудь, – вздохнула Катрине.

Они стояли рядом и отражались в зеркале. Сигри, холеная, стройная, седовласая, с интеллигентным лицом и мягкими заботливыми руками... Катрине смотрела на нее настороженно.

– Тебе надо было стать медсестрой. – Катрине положила руку Сигри себе на плечо, глядя на их отражение в зеркале. Портрет двух подружек. – Я сейчас все очень живо себе представляю.

– Что?

– Как ты ходишь по больничному коридору в ночную смену... В темноте виден только твой белый халат. А пациенты выглядывают из дверей палат. Им хочется хоть одним глазком полюбоваться на женщину своей мечты!

Сигри польщенно улыбнулась отражению Катрине, но ее брови по-прежнему оставались сдвинутыми.

– Я уже старуха, – усмехнулась она.

– Ты зрелая женщина, – поправила Катрине, выскользывая из-под ее руки, – а вот я молодая, но у меня сегодня уже ни на что нет сил. Сейчас позвоню, чтобы за мной кто-нибудь заехал. А ты иди возвращайся к гостям.

Катрине вдруг захотелось, чтобы рядом оказался Уле, чтобы он обнял ее. Пусть даже попросит ее остаться с ним здесь – она останется... Сигри скрылась в толпе гостей. Катрине застыла на пороге. С террасы в дом вошел Уле. За ним шла длинноногая. Она не отходила от него ни на шаг! Катрине закрыла глаза и живо представила их, голых, в постели. Ей все увиделось довольно отчетливо, но ревности не было, только подавленность.

Чего она хочет от Уле? Чтобы он подошел к ней и сказал: «Мне здесь надоело»? Да, наверное. Пусть подойдет к ней, обнимет, отвезет домой и останется с ней. Катрине все больше злилась на него. Почему Уле ничего не понимает? Почему он не такой, каким она хочет его видеть?

В этот миг их взгляды встретились. Уле шагнул к ней. Она закрыла глаза, вообразив их ссору. Все гадости, которые наговорит ему; все гадости, которые наговорит ей он. Она покачала головой. С каждым сделанным Уле шагом ей все больше хотелось, чтобы на его месте был Хеннинг. Хеннинг, и никто другой.

– Как ты? – спросил Уле.

– Лучше, – буркнула она. – Вижу, ты тоже времени даром не теряешь.

Он проследил за ее взглядом; заметив, что они на нее смотрят, длинноногая тут же развернулась и ушла.

– Тут кое-кто предложил съездить в город, – произнес Уле после паузы. – В «Смугет». Голубой и еще несколько человек. Хочешь с ними?

– Нет, – ответила она. – А ты?

– Сам не знаю. Наверное.

– Я еду домой, – сказала Катрине.

– Домой?!

Она устало улыбнулась:

– Тебе вовсе не обязательно ехать со мной. Отдохни, побудь здесь. Или съезди в город, развлекись.

Он просиял:

– Точно?

Катрине кивнула.

Между ними протискивались шумные гости. Тоттен игриво хлопнул Уле по задку:

– Ты с нами, красавчик?

Уле ухмыльнулся.

Тоттен обвил его талию и закружил в медленном вальсе. Катрине снова ушла в туалет, заперлась и стала ждать, пока не убедилась, что в прихожей никого нет. Из гостиной доносились пьяные голоса и визгливый смех. Кто-то терзал пианино. Осторожно выйдя, она сняла трубку настенного телефона и набрала номер Хеннинга. Посмотрела на часы. Еще не полночь. После нескольких длинных гудков на том конце линии послышалось сонное:

– Алло...

– Это Катрине, – быстро сказала она. – Ты спишь?

Она не могла удержаться от вопроса и тут же поморщилась, как будто боялась, что он ответит «да» и разозлится.

– Кто, я? Нет... – Хеннинг шумно зевнул. Значит, он все-таки спал.

– У тебя есть машина? – спросила она.

– Брата... большая старая развалюха.

– Приезжай за мной, пожалуйста... Я у Аннабет.

Слава богу, Хеннинг никогда не задавал вопросы.

– Уже еду, – ответил он.

– Я выйду тебе навстречу.

Глава 4

Ночная прогулка

Через двадцать минут дом остался далеко позади. Она быстро шла в темноте по тихой улице. Летняя ночь была не черной, а скорее серой. Ей полегчало, хотя мышцы живота и диафрагма еще болели после рвоты. Свежий ветерок ласкал лицо. Она прошла под уличным фонарем. Тусклая электрическая лампочка гудела и отбрасывала мертвенно-бледный свет. Катрине шагала вперед. Каблуки цокали по асфальту. Вскоре гудение лампочки сменилось комариным жужжанием у самого ее уха. Навстречу ей ехала машина. Из-за деревьев вынырнули яркие лучи фар. Вдали показался Осло. Весь город мерцал огнями, словно угли в громадном потухающем костре. Огни отражались в черной воде Ослофьорда, разрастаясь, увеличиваясь. Взревел мотор, и из-за угла вывернула вереница машин. Первая оказалась низкой, с открытым верхом. Дул сильный боковой ветер, и Хеннинг то и дело отбрасывал длинные волосы от лица. Он затормозил, и она села в машину.

Они смотрели друг на друга и улыбались.

– Что с тобой? – спросил он.

Ее улыбка стала шире.

– А ты как думаешь?

– Ты что, выиграла кучу денег?

– Нет, – качнула головой Катрине.

– Тогда рассказывай.

Она задумалась и закрыла глаза.

– Что-то случилось? – спросил Хеннинг.

Она широко улыбнулась и кивнула.

– Настоящее чудо!

– Расскажешь?

– Потом. – Она сжала его руку. – Потом... – повторила она, глядя приборную панель. Вдруг она спросила: – Где ты это откопал?

– Это машина брата, – ответил он. – Мне можно брать ее, когда он в командировке.

– Серьезно? У тебя есть брат, который доверяет тебе такую машину?

Хеннинг криво улыбнулся и склонил голову набок:

– Брат есть брат.

– Устал? – спросила она.

– Нисколько.

– Чем займемся?

Он пожал плечами:

– Сколько у тебя времени?

– Вся ночь.

Он откинул голову, и эспаньолка на его заостренном подбородке выпятилась вперед, напоминая пучок мха.

– Тогда все ясно, как звезды на небе, – пробормотал он. – Я знаю, чем мы с тобой займемся...

– Но сначала я хочу поесть, – сказала Катрине. – Ужасно хочется что-нибудь жирное и вредное!

В машине с открытым верхом ее пышные волосы развевались на ветру. Хеннинг прибавил газу. Они ехали вниз, срезая крутые повороты. Холменколлен нависал над ними огромной таинственной тенью. На очередном повороте их прижало друг к другу; густые волосы упали ей на лоб. Не раздумывая, она сорвала с себя блузку и повязала ею голову, как шарфом. Хеннинг огляделся по сторонам.

– Совсем как в фильме Феллини! – прокричал он в порывах ветра. – Ночью еду в машине с открытым верхом, а рядом красotka в одном черном бюстгальтере!

Катрине наклонилась вперед и включила радио. Музыка загремела так, словно они сидели в концертном зале. Леонард Коэн пел «Вначале мы возьмем Манхэттен». Они переглянулись. Она сделала звук погромче.

Хеннинг врубил более низкую передачу и вдавил в пол педаль газа. Спидометр показывал сто тридцать километров в час; дорога плавно спускалась вниз. Катрине смотрела, как переливаются на лице Хеннинга желтые пятна от уличных фонарей. Как стробоскоп на дискотеке! Ей казалось, что они будто в туннеле. Ветер в лицо, рок-н-ролл... Захотелось забыть о высокомерии недавних знакомых, о светских условностях, о двусмысленностях и тайных желаниях, о потных руках... Если бы ее пригласили в такой дом года три назад, она бы уже раздобыла дозу и вколола себе в вену... Даже сейчас она ощутила смутное желание получить кайф... Но желание было слабым, как тяга к каким-то особым сладостям, которые нравятся только в детстве. Она, тяга, не пройдет никогда, но три года назад она еще не умела управлять собой. Три года назад она не сумела бы обрадоваться своей способности отвергнуть мужчину, от которого тошнит. Три года назад она не смогла бы заставить себя уйти из дома, где ей плохо, уйти одной, не беспокоясь о том, что о ней подумают. Три года назад ей было бы не все равно, что подумают о ней, когда она несется в открытой машине...

Три года назад великая тайна была просто черным, непроницаемым вакуумом. Если бы она уделила своей тайне больше внимания, возможно, она возродилась бы.

Она улыбнулась про себя. «Возродилась»! Хеннинг терпеть не может такие высокопарные слова. Правда, Хеннинг никогда не жалел о том, что появился на свет.

Хеннинг заехал на стоянку у Корт-Аделерс-гате. Акер-Брюгге, развлекательный район, раскинулся как крепость перед верфью Хоннер; на другой стороне виднелись Ратушная площадь и крепость Акерсхус. Хотя время близилось к полуночи, здесь кипела жизнь. Они зашагали вдоль трамвайных путей, прошли мимо стоянки такси, и два таксиста помоложе засвистели вслед Катрине. Она посмотрелась на свое отражение в витрине, скорчила рожицу. Как приятно! Приятно быть дерзкой, но не вульгарной. Уверенной в себе, но не наглой. Простой, но не дешевой. «Это я, – подумала она. – Вот такая я. Ни голая, ни одетая, ни голодная, ни пресыщенная».

В очереди в «Макдоналдс» они подружились с каким-то пьяницей. Он схватил Катрине за руку и подмигнул Хеннингу.

– Господи, – сказал он, – хотелось бы мне быть молодым вроде вас!

Катрине стрельнула у него сигареты. Уличный музыкант, игравший на лавочке перед паромной переправой на Несодден, заиграл «Золотое сердце» Нила Янга. Пьяница пригласил Катрине на танец. Она согласилась. Гости, сидевшие за столиками кафе на променаде, летней ночью напоминали темные тени, тени, которые вполне могли оказаться как друзьями, так и врагами. Ей не было дела до теней, которые мрачно смотрели на нее, не понимая, что происходит. Мимо них в темноте быстро проходили туристы в шортах и белых кроссовках, с нагрудными кошельками на веревочках.

Катрине взяла двойной чизбургер, жареную картошку с кетчупом и большой стакан кока-колы. Хеннинг – только ванильный молочный коктейль. Как всегда. Хеннинга не переделаешь...

– Разве ты в гостях ничего не ела? – спросил он, когда они вернулись в машину.

– Меня вырвало. Угадай почему.

– Из-за Обаяшки?

Она кивнула.

– Он к тебе приставал?

– Как всегда.

Хеннинг достал из кармана рубашки самокрутку, закурил, шумно затянулся.

– Я всегда говорил. – Он ненадолго задержал дым в легких. – От него просто блевать тянет! – Он снова затянулся. Их окутал запах марихуаны. – Но я бы ни за что не подумал, что тебя вырвет, – продолжал Хеннинг. – Я думал, ты нормальная.

– Да достало меня быть нормальной. – Катрине ухмыльнулась с набитым картошкой с кетчупом ртом.

Хеннинг снова шумно затянулся.

– Ты бы хотела быть нормальной? – спросил он. Глаза у него заслезились.

Она отбросила волосы назад:

– Нет! И это замечательно!

Они катили по шоссе; из динамиков лился мягкий, бархатный голос. У Мастемюра Хеннинг свернул на старый Моссевей. Они проехали мимо зоны отдыха Вервенбукта. Ночью на дороге почти не было машин. Катрине выключила радио и вытянула руки вверх. В них ударил ветер; на фоне неба чернели силуэты деревьев. Пахло свежескошенной травой, ромашкой. Их окружали летние запахи. Хеннинг свернул направо, в Ингирстранд.

Они остановились на усыпанной гравием парковке под большими соснами. Машина стояла капотом к тихому Буннефьорду и узкому пляжу внизу.

Оба развернулись, услышав рокот еще одной машины. Они были не одни. Из-за поворота вынырнули лучи фар; другая машина затормозила и остановилась чуть поодаль.

– Нигде нет покоя, – улыбнулся Хеннинг, поворачивая ключ в замке зажигания. – Я хочу, чтобы мы были одни.

Катрине ничего не ответила. Она думала над тем, что он сказал, и гадала, нужно ли отвечать.

Хеннинг сдал назад, развернулся. Они возвращались той же дорогой. Но на перекрестке он свернул направо. Скоро они очутились неподалеку от озера Иер, в чудесном, тихом месте. Неподалеку виднелись стол, лавка и заросли кустов. Хеннинг поставил машину между деревьями. Сверху хорошо просматривался другой берег озера; в нескольких сотнях метров вдали виднелся силуэт гигантской автомобильной крыши – там раскинулся трейлерный парк «Юлет».

Хеннинг заглушил мотор. Несколько секунд они слышали стрекотание сверчка. Вскоре умолк и он. От окружившей их тишины показалось, будто они очутились в полном вакууме.

Ей хотелось рассказать ему о своих чувствах, передать ему свою дрожь, от которой немело все тело; хотелось все рассказать здесь и сейчас. Но она не могла подобрать нужные слова. Они молча смотрели друг на друга. В конце концов тишину нарушило щелканье электрической зажигалки. Лицо Хеннинга осветилось красным язычком пламени – он прикуривал.

Скрипнуло кожаное сиденье; она откинулась на спинку и стала смотреть в иссиня-черное небо, в котором мерцали звезды, напоминая мерцание лампы, накрытой черным ситом. Вслух она сказала:

– Как будто там лампа, накрытая дурацким черным ситом!

Они снова посмотрели друг другу в глаза; смотрели так долго, что ей начало казаться – она вот-вот утонет. Интересно, почему у нее всегда все так сложно? Она никак не может провести границу между дружбой и любовью.

– Если бы, – сказал он, – можно было отойти подальше, отступить, то мы поняли бы, что здесь, на Земле, царит хаос. Вот мы видим две звезды; возможно, одна из них умерла и погасла много лет назад, а другая вот-вот взорвется. Нам

кажется, что звезды незыблемы, но все постоянно находится в движении. Земля падает, солнце падает, а между ними взрываются звезды и создается время!

Сигарета ходуном ходила в углу его рта; глаза горели. «Какой же он мальчишка!» – подумала она, вынимая сигарету из его сухих губ. Зажав сигарету между своими длинными пальцами, она робко поцеловала его. От него пахло дымом и таблетками. Его эспаньолка щекотала ей подбородок. Он что-то сказал, но она не разобрала что; слова ласкали ее лицо, как нежные порывы ветра, пробившиеся между тонкой прибрежной травой. Он что-то говорил... Она раздвинула губы и тихо дунула.

– Представь себе женщину, – шептал он. – Красивую и немножко дикую женщину, которая жила много лет назад...

– Дикую?

– Все, о чем я рассказываю, происходило много лет назад. Представь, однажды женщина идет по тропинке к реке. Через реку переброшен мост, такой допотопный мост, сделанный из стволов поваленных деревьев, без перил...

– Дело было весной или осенью? – перебила его Катрине.

– Весной, и река переполнена, и она останавливается, чтобы посмотреть вниз, в пенный поток. Она стоит и вертит в руке свое кольцо, а потом роняет его в воду...

– Что за кольцо?

– Сейчас расскажу. Кольцо передавалось в ее семье из поколения в поколение. И вот кольцо падает в воду. Оно пропало. Много лет спустя она встречает мужчину. Он из Канады...

– А она откуда?

– Мм?

Катрине улыбнулась, не отводя глаз от его ошеломленного лица.

– Ты говоришь, он из Канады. А она откуда?

Хеннинг всплеснул руками:

– Ну, допустим... из Намсоса.

– Вот видишь! Как мало надо, чтобы ты потерял самообладание!

– Ты задаешь слишком много вопросов. Не мешай мне рассказывать!

Она улыбнулась:

– Все потому, что ты так разволновался. Не злись. Продолжай!

– Они женятся. А он всю жизнь носит на шее амулет. Шкатулочку индийской работы, вырезанную из дерева. В шкатулке лежит тайна... одна вещь, которую он нашел в желудке у лосося, которого выудил в молодости...

– Кольцо! – вскричала Катрине.

Хеннинг раздраженно выдохнул.

Она широко улыбнулась:

– Будешь отрицать, что его амулет – кольцо?

Он тоже широко улыбнулся:

– В шкатулке в самом деле лежит кольцо. Но не в нем дело.

– А в чем?

– Дело в том, что он умирает.

– Умирает? Какой ты злой!

– И после его смерти вдова открывает шкатулку, которую он всю жизнь носил на шее... Почему ты улыбаешься?

– Ты такой безнадежный романтик!

Хеннинг снова улыбнулся:

– Ни за что не пойду с тобой в кино.

– Нет, пойдешь. Пошли в кино! Пошли завтра!

– Ты никак не даешь досказать.

– В кино я хожу не разговаривать!

– Да, но не сомневаюсь, ты и там все время будешь комментировать фильм. Терпеть не могу, когда в кино разговаривают.

– Обещаю молчать, если завтра ты пойдешь со мной в кино.

– Что скажет Уле, если мы с тобой пойдем в кино?

– Не приплетай сюда Уле. Я говорю о нас с тобой.

– А я – о системе, – не сдавался он, стараясь оставаться беспристрастным. – Я хочу сказать: не случайно тот мужчина всю жизнь протаскал на шее ее кольцо. Нет двух одинаковых колец; это то самое кольцо, которое она обронила до того, как они познакомились. Он поймал рыбу с кольцом в желудке. Однако и кольцо, и мужчина, и женщина, и лосось входят в систему, являются частью шаблона. Если взглянуть на все под нужным углом, все становится понятным и логичным... Надо только немного отойти, отступить.

– А ты плаваешь на розовом облаке, – заметила она, затягиваясь. Вопросительно подняв брови, протянула окурок ему. Он отмахнулся, и она смяла окурок в пепельнице. – Самое странное в твоей истории, – сказала она, – что жена не знала о кольце, которое ее муж всю жизнь протаскал на шее. Они ведь были

самыми близкими друг другу людьми!

– Это ты безнадежна. – Он вздохнул он и, немного подумав, продолжал: – Так вот... Муж таскал амулет на шее, потому что мечтал о женщине, которой принадлежало кольцо; по-моему, он не хотел признаваться в своей мечте жене, потому что он очень ее любил. Он не хотел, чтобы она знала, что он мечтает о другой.

– Да ведь на самом деле кольцо было ее! Значит, о ней он мечтал всю свою жизнь! – Катрине задумчиво кивнула. – Прекрасная сказка...

Хеннинг нагнулся и нажал кнопку на приборной панели. Откидная крыша с тихим жужжанием поползла вверх.

– Разве ты не хочешь видеть звезды? – в притворном удивлении спросила она.

– Я немного озяб, – ответил он, как будто цитируя строчку из книги.

После того как крыша отрезала от них звезды, они будто очутились перед тлеющим камином: блики от звездного неба разбежались по капоту. Катрине укусила какая-то мошка; она почесала лоб.

– Ну вот, – продолжал он, – я стараюсь описать тебе шаблон... Представь себе руку, которая замахивается и забрасывает удочку... Прошел всего миг в океане времени! Однако миг стал составной частью системы. Рыбина глотает наживку, чтобы мужчина мог вытащить ее и найти в ее брюхе кольцо. Ты только представь себе тот миг – солнце отражается в каплях воды, на металлическом крючке. Сотая доля секунды – рыба ощущает голод и устремляется к крючку... Сотая доля секунды – звено в цепи. Все взаимосвязано: судьба, мужчина, женщина, лосось, время и кольцо, с которым она играет на мосту. Все вместе они создают систему. То же самое – мы с тобой... Нет, лучше представь себе двоих людей, любых молодых людей, людей, которые любят друг друга, сами того не зная.

– А разве так бывает?

Он отодвинулся назад, покосился на нее и ответил:

– Конечно бывает. Эти двое видятся каждый день. Может быть, они встречаются каждый день на работе... и даже не так. Раз уж на то пошло, они могут встречаться каждый день на автобусной остановке... или в автобусе в утренний час пик. А может быть, она каждое утро пробегает мимо окна, за которым стоит он и ждет. Ты только подумай: каждое утро она пробегает мимо одного определенного окна в офисном здании, чтобы увидеть его, а он подбегает к окну, чтобы увидеть ее. Они смотрят друг на друга всего секунду. Они не в состоянии ни проанализировать свои чувства, ни понять в полном объеме, что произошло, пока не пройдет много времени. С годами становятся мудрее и опытнее. Они вспоминают прошлое и вдруг понимают: в тот миг их посетила любовь... Они уже тогда знали, что любили друг друга.

– Хеннинг, – прошептала она, лаская губами его эспаньолку. Потом легко поцеловала его в губы. – Но ведь ты можешь позволить им встретиться снова, потому что ты главный, ты рассказчик!

– Не забывай, – прошептал он в ответ, – что те двое встретились именно так, не зная, не понимая, что произошло! Просто так случилось, и все. Но после они до конца жизни страдают от чувства потери или, наоборот, от теплоты, которая в них остается...

– Ну, позволь им встретиться еще раз! – взмолилась Катрине.

– Ладно, – согласился он.

– Ну, скажи, что они еще раз встретились, – просила она. – Скажи, что они встретились снова!

– Ладно, – повторил Хеннинг. – Они снова встретились. Вот как все было: он сидел в поезде и ехал на юг. Поезд остановился на станции. Он подошел к окну и увидел ее. Потому что другой поезд тоже остановился на той станции. Она стояла и смотрела в окно поезда – ее поезд шел на север, в обратную сторону. Их разделял метр, не больше. Представляешь? Она стоит, и ветер играет ее волосами. На ней белое полупрозрачное летнее платье; через два поездных окна он видит, как платье облегает ее фигуру – он замечает под тонкой тканью ее плоский живот... Они видят друг друга пять секунд, заглядывают друг другу в глаза, а потом поезда трогаются с места. Один идет на север, другой на юг. И они снова разлучились.

– Как ее звали? – прошептала Катрине, лаская губами подбородок Хеннинга.

Он широко улыбнулся и покачал головой.

– Речь не обо мне. Такие истории происходят каждый день, и они могут случиться с кем угодно. Можно лишь сказать: есть что-то прекрасное в тот миг, который они переживают вдвоем.

– А ты живешь в своем мире, – шепнула она. – Ты тоже мечтаешь о ней?

– Конечно. – Он печально улыбнулся. – Из системы, объединившей тех двоих, есть только один вывод – поэзия. Язык, слова, которые мы говорим друг другу, – вот та шкатулка, в которой мы храним самое драгоценное и открываем друг другу в такие минуты, как сейчас, сегодня – мы с тобой здесь, в машине... Язык и поэзия – наш способ ощутить неосязаемое, потому что мы не можем отойти на достаточное расстояние, выйти за пределы самих себя, оказаться в таком месте, где можно без помех наслаждаться логикой и неизбежностью реального мира.

Он разволновался и даже запыхался. «Хеннинг – просто прелесть», – подумала Катрине. Он наивный, как ребенок, и такой же очаровательный.

– Я не согласна, – сказала она вслух.

– С чем?

– Ты замечательно умеешь рассказывать, но понятия не имеешь, что такое реальность.

Он чуть заметно усмехнулся:

– Вот как просто, оказывается, тебя зацепить!

– А теперь послушай меня, – начала Катрине. – За Крагерё есть местечко под названием Портёр. Дело не в названии; дело в том, что оттуда виден весь горизонт. Там мыс, который далеко выдается в море, – от Дании тебя отделяет только пролив Скагеррак. Однажды в полный штиль... Знаешь, что такое полный штиль? Вода как зеркало; на поверхности нет ряби. Рано утром я пошла

купаться. Сияло солнце, вода была теплая, ни ветерка, и на море царил полный штиль. Я поплыла к горизонту. Плыла и плыла, пока не устала и не решила отдохнуть. Перевернулась на спину. Надо мной ярко светило солнце. Под водой белело мое тело... Я огляделась по сторонам. И знаешь, что оказалось? Я заплыла так далеко, что не видела земли. Куда ни посмотри, повсюду вода... черная вода. И на ней ничего – ни лодки, ни паруса, ни полосы суши. Лежа на воде, я представляла, что подо мной черная бездна. Было совсем непонятно, как вернуться назад. Тогда я закрыла глаза. Пока я лежала там, я испытала самый большой кайф в жизни; ни до, ни после мне не довелось испытать ничего подобного. И вдруг я поняла: вот оно! Вот что такое жизнь; вот что происходит с нами день за днем. Каждый день, каждую секунду мы будто остаемся одни в море.

– Но ты все-таки нашла обратную дорогу?

– Конечно, – улыбнулась она. – Я ведь здесь, верно?

– Да, понимаю, но как? Тебе просто повезло, и ты случайно поплыла в нужную сторону?

– Может быть. Возможно, мне и правда повезло, но не в том суть. Главное, тогда я получила самый важный в жизни опыт.

– Почему ты так думаешь?

– Именно тогда я решила бросить наркотики. Но может быть, даже важнее было откровение. – Она улыбнулась и тихо продолжала: – Пока я лежала там на воде, я думала только об одном: ничего не предопределено. Никакой системы нет. Ты, Хеннинг, замечательно рассказываешь, но все твои схемы, шаблоны, в которых все заранее предопределено, – полная чушь. Моя жизнь начинается где-то между мной и морем. Я верю в себя и в то, что существует в действительности. Вот и все.

Последнее слово, дрожа, повисло в воздухе. Оба молчали. Они сидели, прижавшись друг к другу, и Катрине чувствовала идущий от Хеннинга жар.

– Как выглядел его амулет? – спросила она.

– Чей?

– Твоего канадца.

– Ах, его... – Хеннинг привстал, чтобы сунуть руку в брючный карман. – Вот. – Он протянул ей красивую белую шкатулочку. Она увидела на крышке мелкий золотой узор.

– В таких хранят амфетамины, – заметила она, подбрасывая шкатулку на ладони.

– Не в таких, как эта. – Он откинул крышку.

– Мрамор! – ахнула Катрине. – Неужели она из мрамора?

Хеннинг кивнул:

– Ту же технику применяли, когда строили Тадж-Махал. Там мрамор и жемчуг обрабатывали раствором медного купороса... Потрогай, – шепнул он, поглаживая пальцем гладкую крышку.

Их взгляды встретились. Она медленно забрала у него шкатулку и поставила себе на колени. Потом сняла с безымянного пальца левой руки толстое золотое кольцо с двумя камнями и положила его в шкатулку. Кольцо ударилось о дно с глухим стуком. Закрыв крышку, Катрине протянула шкатулку Хеннингу. Они обнялись. Катрине любовалась сияющим лицом Хеннинга, его черными глазами, которые как будто светились в темноте. Темными тенями прожилок... «Как я его хочу!» – подумала она, толкая его. Хеннинг лег на спину. Она оседлала его и скакала на нем до тех пор, пока созвездия на небе не засияли в бусинках пота, выступивших у него на лбу. Его зрачки расширились; она поняла, что скоро он взлетит. Она накрыла его губы своими и позволила ему кричать, сколько влезет; его крики отдавались во всем ее теле.

Потом она задремала, а проснулась от боли во всем теле; правая нога совсем онемела и затекла. «Первый раз со времен детства я спала в машине», – подумала Катрине. Стало прохладнее. Рядом тихо посапывал Хеннинг. Она осторожно выбралась из его объятий. Посмотрелась в зеркало. Волосы совсем

растрепались. Она похожа на женщину, которая просыпается в объятиях мужчины в машине среди ночи. Как затекла нога! Катрине принялась массировать лодыжку и бедро. Холодно... На небе по-прежнему сияли звезды. Крошечный полумесяц над озером передвинулся южнее, а полоска неба над кронами деревьев посветлела, стала синеватой.

– Подумать только, – хрипло проговорила она.

Хеннинг что-то буркнул во сне. Она посмотрела на часы на приборной панели. Третий час ночи.

Вздрагнув от холода, она надела тонкую блузку и одернула юбку. Посмотрелась в зеркальце и пожалела, что у нее нет расчески. Окошки машины запотели изнутри. Хочется поесть и помыться. Она порылась в бардачке в поисках сигарет, но там было пусто, если не считать журнала учета и нескольких бумажных салфеток. Она вытерла конденсат с одного из боковых окошек. Снаружи, за соснами, было темно. Она опустила стекло. Воздух был чудесный – свежий, но легкий; он приятно охлаждал лицо. Она перелезла через рычаг переключения передач, нащарила ногой педаль сцепления. Включила нейтральную передачу и, не будя Хеннинга, выкрутила руль. Потом включила зажигание. Мотор взревел; она включила печку. В ярких лучах фар высветились ствол дерева и зеленая масса листьев. Хеннинг по-прежнему крепко спал. Может, помыться в озере? Прополоскать рот от табачного дыма... Но она не увидела тропинок, ведущих к воде. Между дорогой и озером мрачно переплетались деревья, кусты черники, колючие ветки. Ее передернуло. Она подумала о змеях, ужасных змеях, свернувшихся клубками, которые ползают по земле под прошлогодней листвой; она представила себе пауков и огромные муравейники, где снуют миллионы муравьев, и ее снова передернуло.

В конце концов она открыла дверцу и, спотыкаясь, вылезла наружу. Ноги подгибались. Она попрыгала на месте, восстанавливая кровообращение. Мурашки... Муравьи в крови. Пяткой наступила на острый камень и вскрикнула от боли. Она зашагала вперед, затем неуверенно ходила вокруг машины, будто заводная кукла, на негнущихся ногах. Неприятно было прикосновение к босым ступням холодных, шершавых камней. Однако скоро кровь снова побежала по жилам.

Вдруг она услышала что-то и остановилась, замерев. Она долго стояла неподвижно, по спине пробежал холодок. Звук не повторялся. И все же она

огляделась, желая понять, откуда он мог исходить. Ночь была серая, а не черная, и в свете луны и звезд она увидела на земле свою тень. Слышался только тихий рокот мотора, работавшего на холостых оборотах. По-настоящему черными были деревья и поверхность воды, в которой тускло отражались звезды.

Решив, что ей все померещилось, она все же решила спуститься к озеру. Осторожно зашагала вперед, высматривая тропу. И заметила у самой кромки воды удобный плоский камень, на который можно встать. Когда она подошла поближе, от воды повеяло прохладой. Она нагнулась, опустила руку в воду, попробовала ее. Сносно! В темноте нашла камень и опустилась на колени. Набрала пригоршню воды, плеснула в лицо; вода оказалась совсем не холодная. Она встала, сняла трусики, сбросила туфли и босиком вошла в озеро. Ноги до лодыжек увязли в иле, похожем на холодные, комковатые сливки. Ей стало неприятно, но это не имело значения. Это продолжалось всего две секунды. Она задрала юбку повыше, развернулась лицом к берегу, присела на корточки и подмылась.

Что такое?

Она вскочила. Опять... Что за звук?

Она долго стояла неподвижно и прислушивалась. Но теперь тишина была полной; до ее слуха не доносилось даже рокота мотора. Тишину нарушало лишь зудение мошки, которая вилась над водой. Сообразив, что юбка у нее задрана до пояса, она поспешно одернула ее.

Однако что-то изменилось. В окружавшей ее тишине ощущалось нечто странное. Катрине попыталась понять, что же изменилось. Понять не получилось, и все равно ей стало не по себе. Она стояла в воде совсем одна, словно выставя себя напоказ. Мрак и невыносимая тишина породили липкий страх, который начинался где-то в области поясницы и расползался по всему телу. От него немели пальцы. Страх высасывал из нее силу. Во рту пересохло, перехватило дыхание. Так как темнота все же была летней, она различала очертания скал и веток, которые тянулись к воде. Вид на дорогу закрывала темная масса непроходимых зарослей. За ветвями невозможно было что-либо разглядеть.

«Иди, – велела она себе, – иди к берегу и возвращайся к машине». Но почему-то ей страшно было нарушать тишину. Почему? Потому что... ее шаги заглушат другие звуки. Какие звуки? Она снова прислушалась, но так ничего и не услышала.

«Кричи! – велела она себе. – Зови Хеннинга!» Но даже кричать оказалось невозможно. Она молча побрела к берегу. Споткнулась и чуть не упала, но ей удалось восстановить равновесие и кое-как выбраться на сушу. Она попыталась обуться. Ничего не получалось; мокрые ноги не помещались в туфли.

Кое-как обувшись, она встала и снова прислушалась. Казалось, затихло даже зудение комаров. Она не могла отвести взгляда от густых зарослей справа от нее. В туфли набились иголки и крошечные камешки. Было неприятно, но она приказала себе не думать о мелочах. Вот! Опять тот звук. И он шел откуда-то из-за деревьев.

Она задышала ртом – быстро, испуганно. Очень хотелось успокоиться. Она заставила себя закрыть рот и вглядеться в заросли. Вот, опять. Шорох! Она закрыла глаза.

– Хеннинг? – прошептала она.

Голос ее не слушался. Шорох прекратился. Она откашлялась, чтобы вернуть способность говорить.

– Хеннинг! – крикнула она и прислушалась.

Хрустнула ветка. Послышался треск.

– Хеннинг, это ты?

От зарослей отделился силуэт, белый силуэт. Силуэт, стоявший там давно. Она заметила его, лишь когда он задвигался. Силуэт напоминал человеческую фигуру. Без одежды.

Часть вторая

Золотое колечко

Глава 5

Калфатрус

Инспектор полиции Гунарстранна смотрел на свое отражение в стеклянном аквариуме. Лицо приняло грушевидную форму. Рот с белыми фарфоровыми зубами напоминал странный вытянутый стручок, наполненный белыми горошинами. Ноздри раздулись в два огромных туннеля. Подбородок словно подернуло серой дымкой – с утра в воскресенье он еще не брился. Гунарстранна размышлял, как лучше обратиться к золотой рыбке. Аквариум с рыбкой стоял на книжной полке. Инспектор поглядывал то на рыбку, то на свое отражение в стекле. За его грушевидным лицом в аквариуме отражалась вся комната: стеллажи с книгами, заваленный газетами стол...

– Тебе одиноко? – спросил он и, сообразив, насколько нелепо звучит вопрос, переиначил его: – Ты чувствуешь себя одиноким? – Как обычно, он вложил свои мысли в голову красно-оранжевой золотой рыбке, которая с равнодушным видом плавала в воде. – Конечно, ты чувствуешь себя одиноким; мне тоже одиноко. – Заговорив, инспектор сразу почувствовал укол совести. Надо было купить несколько рыбок, чтобы у его питомца были друзья, чтобы в аквариуме образовалось рыбье сообщество. В то же время он понимал: купив других рыбок, он утратит связь со своим любимцем. Питомец смотрел на него своими выпученными глазами, его красивый хвост медленно колыхался в воде. – Да, в самом деле, нам обоим одиноко, – заключил Гунарстранна, выпрямляясь и неуклюже ковыляя на кухню, чтобы включить кофеварку. Четыре ложки «Эвергуд», пять – если кофе другой марки... Так бывает всегда; кофе некоторых марок расходуется быстрее. Обсуждать тут нечего; все дело во вкусе.

Гунарстранна поправил подтяжки.

– Знаешь, что хуже всего? – обратился он к рыбке. – Одиночество стало невыносимым! Теперь одиноким быть модно. Все только и говорят, как хорошо ни от кого не зависеть... Даже по телевизору есть передачи специально для одиноких.

Ожидая кофе, он прислонился к дверному косяку. Над аквариумом висел портрет Эдель. Интересно, что бы она сейчас ему сказала? Какое выражение появилось бы у нее в глазах, услышь она, что он беседует с рыбкой? Гунарстранна подумал: «Может, Эдель ревнует, потому что я разговариваю не с ней?» Но он и с ней разговаривал – все время вел мысленный диалог. С рыбкой все по-другому. Рыбка как собака.

«Да, – услышал он в голове голос Эдель. – Но у собак есть клички!»

Вот именно, подумал Гунарстранна, снова подходя к аквариуму. Он вскрыл желтый пакет с рыбьим кормом и высыпал немного в аквариум. Крошечные хлопья плавали на поверхности воды. Его питомец, обалдев от счастья, развернулся, рванул наверх и принялся жадно есть.

– Хочешь получить имя? – спросил Гунарстранна. В голове почему-то вертелись имена трех библейских волхвов. Он решил, что рыбке, возможно, подойдет имя одного из них. Если индуисты правы и если у рыбы в высшей степени отрицательная карма, возможно, его питомец в самом деле один из трех волхвов. Но Гунарстранна никак не мог вспомнить имена волхвов. Нет, одного все-таки вспомнил: Мельхиор. Негодное имя для рыбки. Другого звали Бальтазар... Уже лучше, хотя не слишком оригинально. Он продолжал думать. – Мы назовем тебя... Мы назовем тебя... – Вдруг его озарило. – Калфатрус! – произнес он вслух и с довольным видом выпрямился. – Хорошее имя. Калфатрус!

Не успел он произнести последнее слово, как зазвонил телефон. Гунарстранна быстро покосился на часы и взглянул Калфатрусу в глаза.

– Вряд ли мы с тобой будем часто видеться в будущем, – сказал он рыбке и зашлепал к телефону. – Сегодня утро воскресенья, – продолжал он. – Я не брился, и более того, у меня на сегодня запланировано много дел. Если в такое время звонит телефон, это означает только одно.

Он положил руку на аппарат; тот продолжал трезвонить. Какое-то время инспектор и золотая рыбка смотрели друг на друга с противоположных концов комнаты. Потом Гунарстранна откашлялся, схватил трубку и рывкнул:

– Покороче, пожалуйста!

Глава 6

«Винтерхаген»

После вскрытия у них пропал аппетит. Выйдя на парковку Института судебной медицины, они задумчиво посмотрели в небо. Франк Фрёлик заметил, что дождь прекратился. Ветер раскачивал деревья и развеивал облака; жаркое солнце сушило лужи на асфальте. Детектив думал над тем, что они только что узнали. Как же приступить к делу? Точнее, как выразился Гунарстранна, с какого конца к нему подойти? В конце концов последний нарушил молчание:

– Видел вчера вечерние новости?

– Пропустил, – ответил Франк Фрёлик.

– Поднялся большой шум. Показали снимки вертолета и все остальное. Кстати, портрет получился довольно хороший; его составили на основе фоторобота. Наверное, именно благодаря ему так быстро установили личность жертвы.

– Конечно, – равнодушно ответил Фрёлик. Самое трудное – соединить в своем сознании лежащий на столе труп и живого человека... живую женщину. – Катрине, – произнес он и кашлянул. – Кажется, так ее звали?

Гунарстранна несколько раз повторил имя жертвы, как будто пробуя его на вкус.

– Катрине Браттеруд... Распространенное имя. У нее необычная татуировка на животе; похоже, нам есть с чего начинать. Но одной татуировки недостаточно. – Гунарстранна перечитал свои записи и ткнул пальцем в машину: – В Сёркедал!

Они ехали молча; за рулем сидел Фрёлик. Гунарстранна горбился на переднем сиденье, кутаясь в легкий плащ, и молчал. Фрёлик все перебирал каналы, отыскивая музыку, которую ему нравилось слушать по радио. Натыкаясь на рекламу, он всякий раз менял канал и продолжал переключать, пока не нашел хорошую музыку. Гунарстранна раздраженно косился на его палец, жмущий на кнопку поиска.

– Эту песню я слышал уже три раза, – сказал он. – Если ты снова переключишься на эту станцию, будь любезен, переведи, о чем она поет!

Вместо ответа, Фрёлик переключился на другой канал. Он продолжал искать, пока из динамиков не полился сиплый голос Тома Уэйтса.

Они проехали кладбище Вестре; промчались от Сместада до Сёркедалвей, почти не встретив жилых домов – те находились вдали от дороги. Какое-то время они ехали параллельно поезду на линии метро Эстерос. Двое детей в первом вагоне хлопали ладошками по стеклу и махали им руками. Под тихий блюз миновали Рэа. У самого Сёркедала им попало пшеничное поле; ветер колыхал зеленые колосья, и они переливались на солнце, как бархат. В очередную рекламную паузу Фрёлик выключил радио.

– Столица, называется! – воскликнул он, пылко вскидывая руки вверх. – Пять минут на машине, и ты уже в деревне.

Дорога то и дело поворачивала, поднявшись на вершину холма. Вдали мелькнула голубая лента воды; она вилась между зелеными холмами, раскидистыми лиственными деревьями, росшими по берегам реки. Еще дальше виднелась опушка огромной лесопарковой зоны Осломарка. Фрёлик притормозил.

– По-моему, уже близко, – буркнул он, пригибаясь к рулю.

– Вон там белая стрелка, – сказал Гунарстранна.

«Стрелкой» он назвал указатель с надписью «Винтерхаген». Фрёлик повернул на гравийную парковку. После ливней здесь образовались промоины, машина то и дело подскакивала. Они остановились у живой изгороди и вышли. Было свежо и немного промозгло. Промоины заполняла дождевая вода. Фрёлик задрал голову.

Небо было каким-то непонятым. Сияет солнце и очень жарко, но вдали собираются тучи... Очень может быть, скоро снова хлынет дождь. Или начнется гроза. Фрёлик достал из машины куртку и набросил ее на плечи. Они зашагали по узкой шлакобетонной дорожке и вскоре увидели теплицу. Дверь в теплицу была открыта. На стекле красовалась надпись «Винтерхаген», сделанная большими, с завитками, желтыми буквами. У теплицы стояла женщина лет двадцати пяти – двадцати семи в шортах и футболке и смотрела на них прищурившись.

– По-моему, здесь когда-то была народная школа, – заметил Фрёлик, когда они проходили между большим желтым зданием и пустырем, на котором разбили огород. Они пошли между ровными рядами ростков.

– Идиллия, – нараспев произнес Гунарстранна, оглядевшись по сторонам.

– Идиллия.

– А вон там, похоже, общежитие, – продолжал Фрёлик с наигранным интересом. Инспектор Гунарстранна нахмурился. По решетке вились плетистые розы. – А там у них контора, – продолжал Франк, показывая на скучное здание из красного кирпича.

Они увидели группу молодых людей, окруживших старый красный трактор.

– Ух ты, «Красный дьявол»! – обрадовался Фрёлик. – Старина «Масси-Фергюсон»!

Тут на землю рядом с ними плюхнулось что-то мягкое. Гунарстранна и Фрёлик остановились и обернулись. Еще один помидор угодил в окно желтого общежития прямо за их спинами. Помидор лопнул; на темном стекле осталось мокрое, красноватое пятно. Фрёлик пригнулся, но недостаточно быстро. Следующий снаряд угодил ему в лицо.

Инспектор Гунарстранна посмотрел на женщину, стоявшую у теплицы. Она замахнулась очередным помидором. Когда Фрёлик побежал к ней, она бросила на землю оставшиеся помидоры и проворно, как газель, понеслась между грядками. Скоро она без труда перескочила через ограду. Фрёлик бежал

неуклюже, как раненый бык. Его мощный торс раскачивался из стороны в сторону. Белая рубашка вылезла из брюк, галстук съехал на плечо. Через несколько метров он резко остановился, чтобы отдышаться.

На тонких губах Гунарстранна показалось подобие улыбки. Молодежь у трактора заходилась от хохота. Фрёлик погрозил метательнице помидоров кулаком, развернулся и, поминутно отступаясь, зашагал назад, роясь в карманах в поисках платка.

– Иногда я спрашиваю себя, правильно ли выбрал профессию, – вздохнул он, вытирая с бороды томатный сок.

– Что бы ты сделал, если бы поймал ее?

Фрёлик покосился на шефа, но не ответил. Гунарстранна дотронулся до угла рта:

– Вытри... у тебя здесь семечки.

Фрёлик вытер губы и мрачно посмотрел на юнцов у трактора. Те по-прежнему забавлялись, глядя на него.

– Я их не понимаю, – признался он. – Почему все наркоманы так ненавидят полицию?

– Может быть, потому, что у полицейских скверная привычка гоняться за ними, – сухо ответил Гунарстранна.

– У нас такой рефлекс, – ответил Фрёлик.

– Они убегают, ты догоняешь. Такая вот тупая игра. Ты только посмотри на них! – Гунарстранна показал на юнцов, стоящих вокруг трактора.

Они дружно захрюкали. Как известно, полицейских почти везде обзывают «свиньями»... Гунарстранна достал из кисета самодельную сигарету и направился к конторе. Фрёлик неуклюже потопал за ним, отряхивая на ходу куртку – в пылу погони она упала на землю. Гунарстранна закашлялся, и оба

остановились.

Фрёлик оглянулся на юнцов:

– Глядя на них, я вспоминаю двух котят, которые были у Евы-Бритт. Ей подарил их один фермер; привез их в плетеной корзинке. Они совсем не знали людей и были дикие... Прятались под диваном у нее в гостиной, вылезали оттуда по ночам. Сжирали корм, который она им оставляла, загадили всю мебель. Как-то я попробовал взять одного на руки. Ну и свирепым же он оказался! Исцарапал мне руку и порвал рубашку.

Гунарстранна наконец отдышался.

– Котята? – буркнул он без особого интереса и остановился у входа в контору. Еще два раза затянулся, пальцами загасил самокрутку, а окурок сунул в карман плаща. В вестибюле пол был выложен крупной плиткой; на потолке работали вентиляторы. За столом сидел длинноволосый молодой человек с эспаньолкой; он разговаривал по телефону. На полу у стола лежал пес, боксер. Голову он положил на пол с таким видом, словно удерживал плитку на месте, и мрачно смотрел на двух подходящих незнакомцев.

Молодой человек извинился перед своим собеседником и закончил разговор.

– Аннабет Ос, – произнес Гунарстранна, бросив досадливый взгляд на Фрёлика. Тот все еще вытирал бороду носовым платком.

Из-за перегородки вышла высокая женщина в широкой клетчатой юбке. Она протянула руку Фрёлику:

– Вы Гунарстранна?

– Франк Фрёлик, – представился Фрёлик, легонько сжав протянутую руку.

Боксер тоже встал, потянулся и широко зевнул, а потом неспешно подошел к ним и задрал голову.

– Значит, Гунарстранна – вы, – произнесла Аннабет Ос, протягивая руку инспектору. Тот пожал ее. – Методом исключения, – пояснила она, нервно улыбаясь. Ее коротко стриженные темно-русые волосы торчали дыбом; лицо было морщинистым, как печеное яблоко. Приветливая улыбка казалась заученной. Она обнажила лошадиные зубы, желтые от никотина. Пожелтевшие кончики пальцев тоже выдавали заядлую курильщицу.

Оба полицейских молчали.

– Итак... – Аннабет бросила вопросительный взгляд на Гунарстранну. – Может быть, зайдем ко мне в кабинет?

– Мы бы хотели, чтобы вы поехали с нами, – сказал Фрёлик, прочистив горло. – Вы должны нам помочь.

– Чем помочь? – встревоженно спросила Аннабет.

– Вы должны опознать женщину, обстоятельства смерти которой мы сейчас расследуем... То есть жертву.

– Вы хотите, чтобы я посмотрела... на нее? – нерешительно спросила Аннабет.

Фрёлик кивнул.

– Я надеялась, что мне... не придется смотреть на нее. – Аннабет быстро покосилась на длинноволосого молодого человека с эспаньолкой.

Тот ответил ей тусклым взглядом, затем опустил голову и притворился, что внимательно читает лежавшие перед ним бумаги.

– Но наверное, будет лучше, если я все же поеду с вами, – заключила Аннабет, задумчиво погладив подбородок. – Дайте мне пару минут! – Она снова скрылась за перегородкой.

Гунарстранна и Фрёлик вышли на улицу. Там ярко светило солнце. Гунарстранна достал из кармана футляр с солнцезащитными экранами, которые крепились к очкам, и буркнул:

– Переполох в раю!

Им было видно, как Аннабет Ос беседует с молодым человеком с эспаньолкой. Он оживленно жестикулировал. Оба замерли, когда увидели, что за ними наблюдают. Гунарстранна и Фрёлик переглянулись и зашагали назад, на парковку.

– И что же ты сделал в конце концов? – спросил Гунарстранна, останавливаясь у машины.

– А?

– Что ты сделал с котятами?

– А, с котятами... – рассеянно ответил Фрёлик. Порывшись в куртке, он достал дорогие зеркальные солнечные очки. Надел, посмотрелся в боковое окошко машины и поморщился. – Они сдохли. Еве-Бритт они надоели, и я их пристрелил.

Гунарстранне хватило времени прикурить свой окурочок и сделать пять затяжек, прежде чем из-за деревьев показалась Аннабет. В своей длинной юбке, туфлях на плоской подошве она выглядела как-то по-деревенски, старомодно. Зато походка у нее была энергичная. Короткие волосы подпрыгивали в такт ее шагам. На спине она несла маленький зеленый рюкзак. Она что-то крикнула юнцам у трактора и помахала рукой. На плечи она накинула шаль – тоже клетчатую; судя по всему, она была поклонницей народных промыслов. Гунарстранна галантно распахнул перед ней заднюю дверцу машины.

– Боже мой! – воскликнула Аннабет Ос. – Я поеду на заднем сиденье! Как преступница! – Перед тем как сесть, она помахала рукой помидорометательнице, которая успела вернуться в теплицу.

– Она, кстати, только что заехала мне в лицо помидором, – бодро сообщил Фрёлик, выезжая с парковки.

– Что, простите? – нарочито высокомерно спросила Аннабет. – Дорогой мой, надеюсь, вы не пострадали?

Фрёлик посмотрел на нее в зеркало заднего вида и перевел взгляд на Гунарстранну; тот сел к женщине вполоборота.

– Скажите, пожалуйста... Тот молодой человек в приемной – сотрудник или пациент?

– Он проходит у нас альтернативную службу, так что можно сказать, что он сотрудник.

– Как его зовут?

– Хеннинг Крамер.

– Вернемся к пропавшей девушке. Как вы думаете, почему родители не объявили ее в розыск?

– Наши пациенты довольно часто не ладят с родителями. Или приезжают к нам с других концов страны.

– И что же?

Аннабет обняла рюкзак.

– Чем мой ответ вас не устраивает?

– Мне нужны конкретные данные. Как обстоит дело в данном случае?

– Гунарстранна, – Аннабет наклонилась вперед, – мы, работники социальных служб, прекрасно понимаем, как важно хранить личные тайны пациентов и соблюдать нормы профессиональной этики.

Фрёлик покосился в зеркало заднего вида. Солнечные очки съехали ему на переносицу. Аннабет посмотрела в его сторону и поняла, что ее ответ его не устроил.

– Речь идет об убийстве, – напомнил Фрёлик.

– А я должна заботиться об интересах своих пациентов, – холодно ответила она и кашлянула. – Куда вы меня везете?

– Сейчас мы с вами поедem в Институт судебной медицины, – ответил Гунарстранна. – Там вам предложат ответить «да» или «нет» на один простой вопрос.

– Какой вопрос?

– Принадлежит ли тело, которое вы увидите, девушке, которую вы объявили в розыск, Катрине Браттеруд?

– Да, – сказала Аннабет Ос и отвернулась. Гунарстранна накрыл лицо покойницы простыней. – Это она. Можно выйти? От здешнего запаха меня мутит...

Выйдя из здания, они нашли скамейку, вернее, прочное сооружение, состоящее из соединенных вместе стола и скамейки. Такие ставят на площадках для отдыха и автостоянках по всей Норвегии. Аннабет неуклюже опустилась на сиденье, не сняв рюкзак. Она часто дышала и смотрела перед собой; глаза у нее блестели.

– Вот и все, – произнесла она. – Почти три года борьбы за ее жизнь – и все напрасно.

Они сидели молча, слушая, как вдалеке мимо пролетают машины. Мимо прошел какой-то знакомый и помахал полицейским.

– Знаете, сколько стоит реабилитация наркозависимого?

Вопрос был чисто риторическим, и Гунарстранна, и Фрёлик понимали, что ответ их собеседницу не интересует.

– Боже мой, – повторила Аннабет. – Все напрасно... Какая страшная потеря!

Последовало молчание, которое нарушил Гунарстранна:

– О чем вы говорите, фру Ос? Что именно напрасно?

Аннабет выпрямилась. Она собралась что-то сказать, но замолчала и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Расскажите об этих трех годах, – вмешался Фрёлик. – Когда вы познакомились с Катрине?

– Как вы думаете, почему?.. – не сразу откликнулась она. – Ее ограбили? Изнасиловали?

– Когда вы познакомились с Катрине? – терпеливо повторил Фрёлик.

Аннабет вздохнула:

– Несколько лет назад. Кажется... в девяносто шестом. Она пришла к нам, как мы говорим, «по собственной недоброй воле», то есть по направлению органов соцзащиты. Она не была уверена в своих силах... я хочу сказать, что она несколько раз убегала, а потом возвращалась. Но потом мы повезли наших подопечных в горы, чтобы показать, какой интересной может быть жизнь без искусственных стимуляторов. По-моему, после той поездки она стала более мотивированной, согласилась на лечение и прошла трехлетний курс. Мы разбили курс на этапы. Сейчас она находилась на четвертом, заключительном... В конце лета мы собирались снять ее с учета. Проходя курс реабилитации, она одновременно окончила среднюю школу. Сдала выпускные экзамены на «отлично»! Показала просто блестящие результаты... Какая она была умная, какая толковая... Схватывала прямо на лету! Получила три «отлично», черт побери! После экзаменов она позвонила мне. «Аннабет, Аннабет! – кричала она в трубку. – Я отличница!» Она так радовалась...

Аннабет резко встала с места:

– Извините... я принимаю все, что с ней случилось, близко к сердцу.

– Наверное, ваши пациенты иногда умирают, – заметил Гунарстранна, глядя на нее снизу вверх.

– Что?

– Наверное, она не первая ваша пациентка, которая умерла?

Аннабет молча смотрела на него в упор. Рот у нее открывался и закрывался, как у рыбы, вытащенной из воды.

– Чем она стала заниматься после того, как окончила школу? – хладнокровно осведомился Фрелик.

Аннабет неприязненно покосилась на Гунарстранну, заморгала глазами и села.

– Сразу же устроилась на работу, – ответила она, повернувшись к Фрелику. – Лично мне казалось, что она должна метить выше, поступить в университет, получить диплом. Она могла бы заниматься политологией. Могла бы стать журналисткой. С ее внешностью она могла бы получить любую работу, какую только захочет! Боже мой, какие возможности перед ней открывались!

– И куда же она устроилась?

– В бюро путешествий. Могу дать вам телефон. Оказывается, она об этом мечтала... Нелепость, но она... была еще так молода! Извините, не могу без горечи думать о ней. Ее душа, насколько я понимаю, была надломлена... Я говорю «насколько я понимаю», потому что из нее ничего невозможно было вытянуть. Так часто бывает... С детства она терпела жестокое обращение и сексуальное насилие... Прошу, не поймите меня неправильно. Среди наркозависимых встречаются такие, которые хотят получать кайф ежедневно. Им не хватает возбудителей в так называемом обычном мире. Катрине...

– Катрине была не такая? – закончил за нее Фрелик.

– Катрине... как бы лучше выразиться? Она была очень ранимой. Девочки вроде нее, бывает, подсаживаются на наркотики лет с двенадцати... Как правило, пробуют травку. Курят марихуану, нюхают клей, пьют... В пятнадцать начинают колоться. Потом их исключают из школы. Обычная история: бросает школу, сбегает из дома и начинает ловить на улице клиентов. У бедняг нет детства. У них нет балласта, какой есть у нас с вами...

Она замолчала, когда Гунарстранна по-прежнему с задумчивым, отстраненным видом вдруг вскочил и поставил одну ногу на сиденье, а сам принялся скручивать себе сигарету.

– Продолжайте, – дружелюбно попросил Фрёлик.

– На чем я остановилась? – спросила сбитая с толку Аннабет Ос.

– Вы рассказывали о наркозависимых, лишенных детства.

– Ах да. И что же делают те, у кого не было детства? Конечно, стараются наверстать упущенное. То же самое можно сказать и о Катрине. Красивая девушка с замечательной фигурой, умная, сообразительная. А в душе – совсем девочка, совсем ребенок... Простите, я забыла, как ваша фамилия.

– Фрёлик.

– Она была ребенком, Фрёлик. Ребенком в теле женщины. И сидящий в ней ребенок обожал объедаться сладостями, смотреть мультики, читать ерундовые гляцевые журналы, которыми обычно увлекаются девчонки лет в двенадцать, – в них печатают истории о принцах, которые увозят Золушку на белом коне к заходящему солнцу... Она любила задувать свечи на день рождения, надевать корону... На свои дни рождения она всегда надевала бумажную корону. Писала на руке имя своего бойфренда. Могла участвовать в каких-нибудь дурацких состязаниях вроде того, кто съест больше хлеба... Делала бумажные кораблики. Такие вещи она обожала... И в то же время ребенок находился внутри опытной, взрослой женщины, скользкой, как угорь, рано познавшей мужчин, привыкшей крутиться и выкручиваться, убегать от опасности, держаться подальше от представителей власти. Подобная двойственность представляет самую большую трудность. Иногда девушки вроде Катрине похожи на раненых зверьков. Они без зазрения совести хватают то, что им нужно, и убегают. И при этом их голова набита детскими мечтами о храбром принце, который прискачет за ними на белом коне и увезет в кругосветное путешествие. Катрине не стала исключением. Вы только подумайте, кем она могла бы стать, а она предпочла целыми днями просиживать за компьютером в бюро путешествий! Невероятно! Бюро путешествий!

Фрёлик с серьезным видом кивнул, наблюдая за тем, как Гунарстранна сосредоточенно снимает с нижней губы табачную крошку. На лужайке за спиной инспектора прыгала сорока. Фрёлику показалось, что энергичная птица напоминает священника, сутулого пастора в черной сутане с белым воротом, заложившего руки за спину. Чем-то они двое – сорока и инспектор – были очень похожи.

– Вы сказали, что она писала на руке имя своего бойфренда, – сказал Фрёлик. – Значит, у нее был бойфренд?

– Да. Странноватый выбор. Не сомневаюсь, вы знаете парней такого типа. Он похож на торговца автомобилями или футболиста. Любит загорать в солярии и смотреть фильмы про каратистов.

– Как его зовут?

– Уле. Фамилия Эйдесен.

– Что он за человек?

– Самый заурядный... ничего особенного... самый обычный молодой человек... – Аннабет пожала плечами.

– Но что их объединило? Почему они оказались вместе?

– Кажется, он тренер по теннису или что-то в этом роде. – Аннабет Ос презрительно улыбнулась. – Нет, я пошутила. Он инструктор по дайвингу... или преподаватель на курсах иностранного языка. Если честно, я не помню, чем именно он занимается, но помню, что чем-то таким... банальным.

– Какое у вас сложилось впечатление об Уле?

– Самый обычный парень, неглубокий... разумеется, по моему мнению... и потому скучный... и очень ревнивый.

Оба детектива пристально посмотрели на Аннабет.

- Хотя жестоким он мне не показался. Просто ревнивым. Не думаю, что он когда-нибудь применял к ней насилие, давил на нее...
- Обычный ревнивец-зануда?
- Да.
- И в чем проявлялась его ревность?
- Понятия не имею! И вообще, я почти не знаю его и потому не могу судить.
- Как по-вашему, что Катрине нашла в таком, как Уле?
- Статус.
- Что вы имеете в виду?
- То, что сказала. Он похож на модель из рекламы дезодоранта – ну, знаете, бритоголовый, модно одевается. Для Катрине он стал статусным символом; таким не стыдно похвастать перед другими женщинами. Превосходный кусок мяса.
- Кусок мяса?!
- Да... Он похож на многих молодых людей. Они годятся только на то, чтобы спариваться. Наверное, бойфренд Катрине хорош в постели.
- У нее большая татуировка вокруг пупка. В ней что-то символическое? – спросил Фрелик.
- Понятия не имею, – ответила Аннабет и, подумав, продолжала: – По-моему, нет. Типичная безвкусная наколка... наши пациенты любят такие. Наверное, что-то эротическое, сексуальное.
- Вы не знаете, в прошлом она занималась проституцией?

– Они все этим промышляли.

Фрёлик удивленно поднял брови.

– Во всяком случае, большинство из них.

– И Катрине тоже?

– Д-да... и она тоже.

Гунарстранна кашлянул и спросил:

– Когда вы видели Катрине в последний раз?

– В субботу, – немного растерянно ответила Аннабет. – На приеме у нас дома. Ей стало нехорошо, и она ушла пораньше...

– Иными словами, вы принадлежите к числу тех людей, кто последними видел ее живой.

Аннабет и Гунарстранна несколько секунд смотрели друг на друга. Аннабет первая отвела взгляд.

– Да... мы пригласили в гости еще несколько человек.

– Вы сказали, ей стало нехорошо...

– Сначала она, кажется, потеряла сознание, а потом ее вырвало. Я очень расстроилась, потому что вначале решила, что она напилась. Представьте, как нехорошо, если пациенты реабилитационного центра напиваются в доме заведующей!

– Но она не пила?

– Нет, она весь вечер не притрагивалась к спиртному. И еда тут тоже ни при чем, потому что все гости ели одно и то же, но больше никого не стошнило.

– Значит, с ней случился припадок, – повторил Гунарстранна. – И она ушла пораньше... вместе со своим бойфрендом?

– Нет, кажется, она вызвала такси.

– Кажется? То есть вы не знаете?

– Откровенно говоря, нет. Я не знаю, как она вернулась домой.

– Домой она так и не вернулась.

Аннабет закрыла глаза.

– Гунарстранна, не усугубляйте мое положение. Я не знаю, кто ее увез. Знаю только, что кто-то о ней позаботился. Она ушла из нашего дома раньше остальных... Я решила, что она вызвала такси.

– Когда примерно она ушла?

– Наверное, около полуночи.

Гунарстранна кивнул.

– Фру Ос, – сказал он, – теперь я вынужден напомнить вам, что параметры нашей беседы несколько изменились.

– Что значит «параметры изменились»? Неужели вы думаете, что... Боже мой, объяснитесь!

– Мы ничего пока не думаем, – мягко ответил Гунарстранна. – Изменение заключается в том, что вы больше не обязаны хранить тайны, доверенные вам вашей пациенткой. Если же вы до сих пор считаете себя связанной нормами профессиональной этики, я, как представитель власти, могу освободить вас...

– В этом нет необходимости, – заверила его Аннабет. – Давайте будем справляться с трудностями по мере их поступления.

– Отлично, – кивнул Гунарстранна. – Сегодня провели вскрытие Катрине Браттеруд. – Кивком он указал на здание Института судебной медицины.

– Да, – сказала Аннабет.

– На нем присутствовали мы с Фрёликом.

– Да...

– Очень важно выяснить, что же именно с ней произошло, – продолжал инспектор. – Вы совершенно уверены, что ее стошнило?

– Я не стояла и не наблюдала за ней, если вы это имеете в виду.

– Какую еду подавали на вечеринке?

– А что?

– Я хотел бы сравнить ваш ответ с тем, что обнаружили у нее в желудке.

Аннабет передернуло.

– На закуску были мидии, – начала перечислять она. – Потом я накрыла шведский стол: салаты, холодное мясо, легкие закуски к вину и пиву – оливки, артишоки и прочее... сырная тарелка после горячего... красное вино... пиво... минеральная вода для всех желающих... кофе с коньяком.

Гунарстранна кивнул и продолжал:

– У нее под ногтями обнаружены частицы кожи, что, наряду с другими подробностями, наводит на мысль, что она защищалась.

– Хотите сказать – царапалась?

Инспектор кивнул.

– Бедная Катрине! – пробормотала Аннабет. Поскольку ее собеседники молчали, она вновь заговорила: – На всякий случай знайте: я не заметила в своем окружении человека с исцарапанным лицом.

– Как вы думаете, почему родители Катрине не объявили ее в розыск?

– Похоже, они по ней не очень скучают.

– Пожалуйста, объясните, что вы хотите этим сказать.

– Я хочу сказать, что фру Браттеруд живет как цыганка – либо в своей лачуге, больше похожей на сарай, либо у кого-то из многочисленных кавалеров. Она алкоголичка и вряд ли помнит, сколько Катрине лет. Пока Катрине была у нас, ее мать ни разу не пришла на день рождения дочери...

– А отец?

– Умер, когда ей было десять или одиннадцать лет. Кстати, родители у нее приемные; ее удочерили.

– Приемные родители? – удивился Фрёлик. – Почему алкоголичке позволили удочерить Катрине?

– Наверное, тогда ее мать еще не пила.

– И тем не менее...

– Фрёлик, все органы государственной власти совершают ошибки. Полиция не исключение... Мне известны случаи, когда невинные люди по двадцать лет проводили за решеткой из-за ваших ошибок!

Фрёлик хотел было возразить, но Аннабет не замолкала:

– К нам в центр привезли четырнадцатилетнюю девочку, которой звери полицейские выбили четыре зуба!

– Четырнадцатилетнюю? Не может быть!

– Тех, кто ее избивали, гораздо больше, чем ее возраст, волновало то, что она принимала участие в антирасистской демонстрации! Я хочу сказать, Фрёлик, что ошибки совершают все. Я полжизни посвятила исправлению чужих ошибок. Реабилитация наркозависимых – долгий процесс. Бывает, что доза героина, купленная на улице за тысячу крон, становится первым шагом на пути к самоубийству или началом многолетней борьбы. Такая борьба обходится обществу в десятки миллионов крон! Даже если Катрине станет очередной цифрой в очередном статистическом отчете, не спешите списывать ее со счетов... Лучше найдите того, кто убил ее!

– Где прошло ее детство? – перебил ее Гунарстранна.

– Я точно не знаю, но, кажется, в Крокстаделве или Мьёндале, Стенберге... где-то в тех краях, в одном из бесчисленных жилых комплексов между Драмменом и Конгсбергом.

– Кто биологические родители Катрине?

– Катрине знала, что ее родная мать умерла, когда она была совсем маленькой, вот и все. Я особо не расспрашивала ее.

– О чем вы с ней говорили?

– Довольно много – об ее отце. Его она по-настоящему любила, но он умер, когда ей было десять или одиннадцать лет. Возможно, оттуда все ее комплексы. Стремление найти замену отцу. Конечно, все это лишь предположения, домыслы.

– Нам нужно выяснить одну вещь, – медленно проговорил Гунарстранна. – Вы что-то говорили о насилии в детстве. К Катрине это тоже относится?

– Не знаю.

– Что значит – не знаете?

– Катрине во многом была совершенно непроницаема. У меня есть кое-какие подозрения, но наверняка я ничего сказать не могу.

– На чем основаны ваши подозрения?

– На мыслях, наблюдениях за ней... В судьбах, похожих на ее судьбу, как я и говорила, часто кроется нечто подобное. Ярко выраженные симптомы – проституция, побеги, наркозависимость – могут быть вызваны многими факторами. Попробуйте представить себе девочку с сильной привязанностью к отцу. Потом отец умирает, мать запивает, в доме постоянно меняются мужчины... Однако наверняка я ничего не знаю. Повторяю, во многом она была непроницаема.

– Кто-нибудь может нам помочь прояснить этот вопрос? С кем Катрине была особенно близка?

– С Уле, конечно. Они были вместе довольно долго, хотя их отношения можно назвать спорадическими.

– СПорадическими?

– Они не жили вместе; у каждого была своя квартира. Уле больше хотелось постоянных отношений, чем ей. Поймите, пожалуйста, вот что... Катрине не любила, когда кто-то подходил к ней слишком близко... Кроме того, Хеннинг, который проходит у нас альтернативную службу... Вы его видели у нас в приемной. Он тоже проводил с Катрине довольно много времени. Еще Сигри, представитель социальной службы, которая работает у нас... Сигри Хёугом. Катрине ей доверяла. Правда, сомневаюсь, чтобы Сигри знала больше того, что известно нам. Обычно мы не храним друг от друга секреты наших пациентов... у нас так не принято.

– Но разве не на этом основана профессиональная этика? – тут же возразил Гунарстранна. – Иными словами, пациенты «Винтерхагена» не могут рассчитывать на то, что сотрудники будут хранить их секреты?

Аннабет бросила на него ошеломленный взгляд.

– Вначале вы прикрывались необходимостью хранить личные тайны ваших пациентов... соблюдать нормы профессиональной этики, – напомнил инспектор.

– Гунарстранна, успех лечения зависит от открытости.

Инспектор молча смотрел на нее. Он ждал продолжения.

– Более того, открытость легла в основу нашей идеологической платформы. Полная открытость, – негромко объяснила Аннабет.

– Давайте поговорим о ее знакомых мужчинах, – предложил Гунарстранна. – Они добивались ее расположения? У приятеля Катрине были соперники?

– Откровенно говоря, понятия не имею, – ответила Аннабет. – И вообще, не нужно особенно полагаться на мои слова. Возможно, мне только показалось, что Уле ревновал ее. О таких вещах мне известно очень мало.

Гунарстранна нетерпеливо переминался с ноги на ногу и смотрел на машину. Правильно истолковав его жесты, Аннабет сказала:

– Вам не обязательно подвозить меня. Хочу подышать воздухом; к тому же сейчас не поздно. Пройдусь пешком.

– До того как мы расстанемся, пожалуйста, назовите всех, кто в субботу был у вас в гостях.

Аннабет Ос задумалась.

– Вам в самом деле нужно?

– К сожалению, да, фру Ос.

Она глубоко вздохнула и посмотрела Франку Фрёлику в глаза.

– Тогда начали... Записывайте!

Они смотрели ей вслед. Аннабет Ос могла бы служить иллюстрацией к книге норвежских народных сказок. Длинная юбка, туфли без каблука и квадратный рюкзачок на спине. «Старуха с посохом»... Только посоха у Аннабет не было.

– Знаешь, почему все училки ходят с такими рюкзаками? – задумчиво спросил Фрёлик.

– Там книжки, – предположил Гунарстранна.

Фрёлик покачал головой.

– Нет. Такой рюкзак влезает в кухонную раковину, – ответил детектив.

– В раковину? – удивился Гунарстранна.

– Да. И тогда очень удобно встать в нужную позу, если мужу вдруг захочется на кухне. – Фрёлик расхохотался собственной шутке.

Гунарстранна посмотрел на него с отвращением.

– Рюкзак, – пустился в объяснения Фрёлик, – кладется в раковину, и можно...

– Я понял, – перебил его Гунарстранна. – По-моему, тебе вредно ходить холостяком. – Он встал. – Проверь лучше бюро путешествий. И допроси гостей из списка.

– А ты чем займешься?

Гунарстранна посмотрел на часы:

– Поеду домой переодеваться. Сегодня я иду в театр.

– Ты?! – недоверчиво выпалил Фрёлик. – В театр?

Гунарстранна сделал вид, что ничего не заметил. Он еще раз перечитал записи Фрёлика.

– По пути заеду к Сигри Хёугом... Ну, пока!

Глава 7

Дела домашние

Наверное, она была славной девушкой, думал Франк, гадая о том, что значила татуировка вокруг ее пупка. Рисунок не обязательно имел какой-то особый смысл. В наши дни даже девочки-подростки делают тату на плечах, ягодицах, на груди. Тату можно увидеть где угодно. И все-таки ее татуировка, возможно, означает, что он никогда не поймет ее до конца. У него есть друзья-мужчины, которые делали себе татуировки; у Рагнара Травоса исколота вся верхняя половина туловища. Однако поскольку ни одной женщины с татуировкой он не знал, то решил, что ему трудно понять девушку, решившую сделать себе наколку.

Франк Фрёлик вовремя заметил свободное место и припарковал служебную машину в нескольких метрах от дорожки, ведущей к жилому комплексу в Хаврсвее. Стоя в кабине лифта, которая медленно поднималась на третий этаж, он продолжал размышлять о татуировках. Рагнар Травос считал, что татуировки – это красиво. Фрёлику казалось, что он никогда не сможет видеть в тату просто красивые картинки. Татуировка становится неотъемлемой частью человеческого тела... Поэтому и тело становится частью татуировки. Любой вид нательного искусства, который нельзя удалить, становится частью того или иного человека. Или, наоборот, человек становится частью своей татуировки. Поэтому рисунок очень важен... Хорошо, что Катрине Браттеруд не попросила сделать себе банальную татуировку вроде кошки... Низ ее живота украшал таинственный цветок с множеством лепестков. Независимо от того, что рассказывали о ней Аннабет Ос и другие, Катрине останется женщиной с украшенным низом живота – покойницей с рисунком на животе; татуировка будет выделяться и станет неотъемлемой частью Катрине всякий раз, как он будет думать о ней как о живой женщине. «Вот что самое трудное, – подумал Фрёлик. – Я считаю татуировку Катрине одной из важнейших ее черт, и потому мне трудно судить о

ней».

Он открыл дверцу лифта и вышел на площадку. Цветок – не просто цветок, а какой-то символ. Выполнен очень искусно; два узких, длинных лепестка спускаются от пупка к паху. Странно, что в голове вертятся мысли о татуировке, а не о других вещах: например, о ее детстве, о наркомании...

Увидев, что дверь в его квартиру приоткрыта, Франк приуныл. Он понял, что его ждет. К тому же изнутри доносилось жужжание пылесоса. Сегодня ему меньше всего хотелось его слышать. День выдался трудный; он напряженно работал и мало ел. Несколько секунд он постоял перед дверью, размышляя. Может, повернуть назад? Поехать в центр, выпить пива и переждать... Через пару часов она уйдет. Нет. Уезжать нельзя, ведь ему в любой миг может позвонить Гунарстранна, чтобы расспросить, что ему удалось выяснить... Он распахнул дверь и перешагнул через желтый пылесос, загородивший проход.

Увидев его, она громко поздоровалась, не выключая пылесоса, и крикнула:

– Еда на кухне, на столе!

У матери Франка было двое детей, за которыми она продолжала присматривать. Сестра Франка только радовалась материнской заботе – мама облегчала ей жизнь. Если у тебя двое маленьких детей и муж, который работает посменно, помощь тебе никогда не помешает. Франк относился к маминым заботам по-другому. Его раздражали ее упреки по поводу свинарника, который он развел в своей квартире, и стремление прибраться. Кроме того, она осуждала многочисленные пивные бутылки в холодильнике.

Он скинул туфли и вошел в гостиную, сделав вид, что не услышал ее замечания, что шнурки нужно аккуратно развязывать. Телевизор работал без звука. Флорид, английский телеповар, нарезал имбирь соломкой и бросил в кастрюлю, а затем взял бутылку с вином.

Фрэнк вяло плюхнулся на диван, а ноги положил на стол, который, собственно говоря, и столом-то не был. Старый корабельный сундук из неструганых досок служил подставкой под ноги, столом и полкой для мелочей, которые удобно держать под рукой, например пульт дистанционного управления и мобильный телефон.

Он посмотрел на экран. Флойд отхлебнул красного вина, склонился над кастрюлей, понюхал содержимое... Франк взял пульт и выключил телевизор.

«А может быть, – думал он, – я видел Катрине в городе. Может быть, даже повернулся ей вслед... залюбовался ею... или украдкой посматривал на нее в трамвае, заметил ее профиль, когда она сидела, уткнувшись носом в журнал или газету...»

Ход его мыслей нарушил глухой удар: дверь широко распахнулась. Пятясь, вошла мама, волоча за собой пылесос. Так уж она устроена. Ее невозможно остановить, как бормашину в детской книжке про «зубных троллей» Кариуса и Бактуса.

– Полегче! – проворчал он в приступе раздражения.

Но мама, как всегда, не обратила на его слова никакого внимания и продолжала сосредоточенно пылесосить. Щетка поползла под телевизор...

– Осторожнее! – закричал он.

– А? Что? – Мама водила щеткой между проводами от DVD-проигрывателя и телевизора.

– Ничего не трогай! – закричал он, вскакивая и выключая желтый пылесос. Мотор жалобно взвизгнул и заглох.

Мама выпрямилась и подбоченилась. Ее воинственная поза пресекала любое сопротивление в зародыше.

– В том месте я наведу порядок сам, – ласково заговорил Франк. – У меня там мушки не в коробке! – Он показал на оперенные искусственные мушки для ловли форели в углу стола. – Твой пылесос может их засосать!

Мама смерила его суровым взглядом.

– Я сижу и пытаюсь думать, – продолжал он еще более кротко.

– Думай где-нибудь в другом месте! – Мама еще больше выпятила живот. – Раз уж я приехала, то помогу тебе. А ты пока иди на кухню, съешь чего-нибудь.

Он понял, что проиграл; ссутулившись, вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и присел к окну, глядя на шоссе Е6. Мимо дома ползла вереница машин.

Труп. Мертвая женщина... На ней ничего – ни одежды, ни украшений, ни личных вещей. Только приметная татуировка вокруг пупка. Потом, конечно, они узнали о ней побольше – после того как патологоанатом аккуратно вскрыл ее.

И дело вовсе не в том, что она лежала на столе в прозекторской. Надо понять что-то другое. Невозможно узнать, о чем она думала в последние секунды своей жизни, когда убийца затянул петлю у нее на шее. Да, о чем она думала перед тем, как ее окружил мрак? А потом... Франка передернуло, когда он вспомнил, что ее труп выбросили – буквально выкинули, как сломанную игрушку, как мусор, как пустую оболочку. Самым ужасным, самым отвратительным было даже не само убийство и все, что ему предшествовало, а то, что убийца выбросил труп в канаву...

«Наверное, старею, – подумал Фрёлик. – Сегодня всю ночь буду думать о ней...» Он задумчиво жевал бутерброд с салями и толстым слоем креветочного салата. Потом открыл холодильник, достал красный пакет с молоком, проверил, не истек ли срок годности, и стал жадно пить.

Наконец в гостиной стало тихо. Мать выключила пылесос и убрала его в шкаф в прихожей.

– Ничего удивительного, что ты не женат! – крикнула она. – Стоит только взглянуть на твою квартиру!

Он поспешно взял две чашки и разлил кофе, сваренный мамой в кофеварке. Попутно заметил чисто вымытое окно и сразу пожалел о своей агрессивности.

– Спасибо, – прошептал он, стыдясь самого себя, когда мама села за стол. – Потом я отвезу тебя домой.

– На твоём мотоцикле больше ни за что не поеду! – отрезала мать и встала, чтобы найти сахар.

Франк улыбнулся, вспомнив, как она сидела в коляске и мчалась с ним по Рингвею. Она обеими руками придерживала шляпку и напоминала горошину в стручке.

– У меня машина, – сказал он.

Она покачала головой:

– Тогда тем более лучше на метро! – Сахар она употребляла вприкуску. – Чтобы никто из соседей потом не сплетничал: мол, меня уже возят домой в полицейской машине!

Франк отрезал себе еще хлеба.

– С виду машина самая обычная, – продолжил он. – Без опознавательных знаков.

– Ну да! – равнодушно ответила мать. – Как поживает Малыш Наполеон?

– Как всегда.

– Надеюсь, скоро кто-нибудь утрет ему нос!

– Он хороший полицейский.

– Твой отец называл таких, как он, «к каждой бочке затычка».

– Ты говоришь так потому, что не знаешь его!

– И слава богу!

Франк вздохнул:

– Он вдовец. Ему часто бывает нечем заняться. Вот в чем его трудность. В каком-то смысле он женат на своей работе.

– Ты тоже, – заметила мать.

– Наша работа очень цепляет, как рыбу на крючок... И никуда не денешься.

– Как так?

– Взять, например, последнее убийство. Я не могу не думать о нем. Думаю постоянно. И хочу только одного: поскорее его раскрыть!

– Значит, во всем виновата работа? А может быть, ты только прикрываешься ею, чтобы не решать другие важные дела?

Ну вот, опять начинается. Франк в отчаянии покачал головой. Но ответить не успел, потому что зазвонил телефон.

– Помянешь черта... – буркнула мать Франка. – Вот и он, Малыш Наполеон, звонит своему пехотинцу!

– Ты один? – спросил Гунарстранна.

– Как макрель в проливе Дрёбак, – ответил Франк, выходя с радиотелефоном в гостиную.

– Скажи, когда будешь один.

– Сейчас. – Франк снова плюхнулся на диван. – А я думал, ты в театре.

– Ян иду в театр. Скоро. Завтра съезди в реабилитационный центр. Поговори с тем типом с козлиной бородкой. Спроси, не было ли у него чего с девушкой. Вообще расспроси всех, кто хорошо знал ее... Да заткнись ты!

– Я молчу, – удивился Франк.

– Я не тебе. У меня под окном треплется какая-то дура... Ну вот... Теперь она до чертиков разозлилась. Все, считай, день прожит не зря.

– Пока, – сказал Франк, глядя на трубку.

Глава 8

Дом в пригороде

Женщине, открывшей дверь, было лет сорок восемь – пятьдесят; судя по всему, в молодости она была настоящей красавицей. Стройная, среднего роста. Ей очень шел серый костюм с юбкой почти до колен. Она смотрела на Гунарстранну выжидательно, с легким интересом, как медсестра на больного.

– Можно войти? – сразу спросил он.

– Конечно, дорогой мой. Прошу, простите меня. – Она широко улыбнулась и стала еще симпатичнее. Волосы у нее были совершенно седые, как серебро; Гунарстранна заподозрил, что она их красит. Наверное, когда-то она была блондинкой. – Аннабет все нам рассказала. Мы, конечно, в ужасе... Но я не ожидала, что ко мне так быстро нагрянут из полиции.

Все ее движения были плавными, изящными, бесшумными. Она провела незваного гостя в гостиную, предложила сесть.

– Я сейчас!

Из спрятанных динамиков лились звуки музыки. Классика... «Волшебная флейта» Моцарта, одно из немногих произведений, которые Гунарстранна хорошо знал. Он невольно расчувствовался. Слушая дуэт «До свидания, до свидания...», он вспоминал Эдель.

Инспектор огляделся по сторонам. Коробка от диска лежала на кофейном столике рядом с сегодняшней газетой. В комнате вообще было много столов: маленькие, антикварные, очень изящные столики красного дерева, по одному в

каждом углу, по одному у каждой стены. И почти на всех лампы с абажурами из разноцветной мозаики... Тиффани?

Гунарстранна прошелся по овальному ковру, закрывавшему дубовый паркет в середине комнаты. Ковер с восточным узором приглушал шаги. Он стоял на коврике, покачиваясь на пятках, и слушал арию Памины из «Волшебной флейты». Сигри Хёугом звенела чашками на кухне. Краем уха он слышал шум льющейся воды. Очень уютный дом. Правда, в гостиной нет ни книг, ни телевизора, только дорогая мебель, столики, лампы. На стенах картины. Заметив на подоконнике цветочный горшок, Гунарстранна направился к окну. Деревце бонсай... похоже, оно болеет. Он поднял горшок, внимательно осмотрел деревце и понял, что оно умирает. Гунарстранна задумался и посмотрел в окно. Оно выходило на юг. Сразу за живой изгородью проходили две трамвайные линии. Но дальше открывался прекрасный вид на внутреннюю часть Ослофьорда, острова, Буннефьорд и Несодден. Синий лайнер судоходной компании «Колор Лайн» огибал мыс и направлялся в сторону пролива Дрёбак и в Скагеррак.

– Сахару, молока? – слышался голос у него за спиной.

Обернувшись, он понял, почему не слышал шагов хозяйки: она была босиком.

– Я пью черный, спасибо. – Он поставил деревце на место, сел в изящное кресло за низким овальным столиком с винно-красной столешницей.

Сигри Хёугом села на диван наискосок от него. Через какое-то время она взяла со стола пульт и выключила звук на середине арии Памины. Хозяйка и гость переглянулись.

– Гунарстранна, – произнесла Сигри, словно пробуя его фамилию на вкус. – Необычная фамилия! – Она прищурилась; на ее губах заиграла дерзкая улыбка. – Вам она нравится?

Инспектор, который внимательно осматривал изящную фарфоровую чашечку, удивился. Сигри задала ему очень личный вопрос без всякого смущения. Он провел пальцем по позолоченной каемке блюда, посмотрел ей прямо в глаза и с улыбкой ответил:

– С чего вдруг? Кажется, собственные фамилии никому не нравятся... разве не так?

– По-моему, вы правы. – Она склонила голову набок, видимо удовлетворенная таким ответом.

– Да. – Гунарстранна попробовал кофе, едва заметно кивнул и одобрительно поджал губы, давая понять, что кофе хорош. – Так повелось, чтобы фамилии меняли женщины; мужчинам приходится мириться с фамилией, полученной при рождении, и передавать ее по наследству.

Какое-то время она рассеянно смотрела перед собой, очевидно собираясь с мыслями.

– Но, если вам не нравится ваша фамилия, ее, наверное, нетрудно сменить. В наши дни возможно все.

Гунарстранна откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

– Я пришел к вам не для того, чтобы говорить обо мне. Но раз уж вы завели такой разговор... В детстве мне очень не нравилась моя фамилия. И я долго думал, что у других тоже так – то есть что свои фамилии не нравятся никому. Потом все стало наоборот. Став взрослым, я понял, что мне не нравятся люди, которые берут псевдонимы. – Он помолчал. Затем обвел комнату рукой, как бы подтверждая и прекрасный вид, и изящную обстановку, и непринужденность хозяйки. Затем продолжал: – И почему же вы решили пойти...

– В центр по реабилитации наркозависимых? Ничего не может быть естественнее, – ответила Сигри. – Я – типичная представительница жителей Западного Осло. Мне надоело быть домохозяйкой, ходить за покупками, проводить выходные на южном побережье. У нас принято выходить на работу после того, как дети начинают ценить друзей больше, чем родительский дом.

– Когда это происходит?

– Когда у детей начинается переходный возраст... точнее, как в нашем случае, у одного ребенка. Мы учились одновременно: Юаким заканчивал школу, а я

поступила в университет в Бергене по специальности «социальная работа». С Аннабет я работаю уже три года.

– Юаким – ваш сын?

Она кивнула.

– Чем он занимается сейчас?

– Он в США, изучает экономику в Йеле.

– Неплохо.

– Хотите сказать – все очень верно и правильно для семейства Хёугом из Грефсена.

– Значит, вам не очень нравится специальность, выбранная вашим сыном?

– По-моему, по сравнению со спасением наркозависимых капитализм и финансовая политика Запада несколько отходят на второй план.

– Любопытно!

– Почему? – Она подсунула под себя ноги.

– Потому что вы, по всем приметам представительница среднего класса, предпочитаете спасать наркозависимых и не одобряете... – Он задумался, подыскивая нужные слова.

– Официальную политику по отношению к наркотикам, – закончила за него Сигри, задумчиво и сосредоточенно глядя перед собой.

– Как складываются ваши отношения с пациентами?

– А знаете, очень неплохо. По-моему, я нашла свое призвание.

– Вам нравится ваша работа?

– Да, и пациентам тоже нравится, что я делаю.

– А Катрине?

Сигри кивнула:

– Катрине была молодая и глупая. Извините, что я так говорю. Я очень ее любила. Молодая, красивая, модная... Как говорится, у нее вся жизнь была впереди. И в то же время она мне завидовала.

Гунарстранна улыбнулся в знак того, что понял.

– Она завидовала тому, как я живу... какой у меня дом, какая машина... сколько у нас денег. Пожалуйста, не поймите меня превратно. Такая зависть – чувство здоровое. Однако молодым девушкам вроде Катрине нужны ясные, четкие образцы. Катрине еще не созрела как личность; представления о самой себе у нее были довольно туманными. Ей трудно было смириться с тем, что жизнь часто бывает несправедливой и жестокой. Именно поэтому такие, как она, столкнувшись с действительностью, с бедами, с несправедливостью, ищут спасения в наркотиках. Им кажется, что они смогут вовремя остановиться. Как вам известно, подобные заблуждения очень распространены в их среде... Даже в самом тупом телесериале вы не встретите столько пустых, бессодержательных разговоров и столько бессмысленных фраз, как в беседе двух наркоманов.

Гунарстранна отпил еще кофе.

– Извините. – Сигри вдруг поникла. – Никак не могу привыкнуть к тому, что Катрине уже нет! Конечно, я знаю, что она умерла, и все же странно...

– Если бы она умерла по-другому, – ответил Гунарстранна, – допустим от передозировки, то есть ее смерть стала бы обычным делом... наверное, мы бы сейчас с вами не говорили о ней.

Сигри Хёугом закрыла глаза и глубоко вздохнула. Повисла пауза. Гунарстранна устроился в кресле поудобнее, прищурился и стал наблюдать за ней. Сигри

подвинулась ближе к краю дивана, кашлянула и сказала:

– Конечно, мне и раньше приходилось сталкиваться со смертью. Иногда наши пациенты умирают... Мы чуть ли не ежедневно говорим о смерти от передозировки... обычная тема, да-да. Но еще никогда наших пациентов не убивали... точнее, они убивали себя сами. – Сигри опустила глаза.

Гунарстранна кивнул:

– Что вы подумали, когда фру Ос пригласила Катрине в субботу к себе домой?

– Я была против, так как считала, что приглашать ее на подобные сборища преждевременно.

– Что значит «преждевременно»?

– Наши пациенты довольно скоро понимают: для того чтобы выжить, им придется во многом сурово себя ограничивать. Нельзя принимать никакие стимулирующие вещества, в том числе спиртные напитки. Им приходится порвать с бывшими друзьями, изменить круг общения. Понимаете? Но реальный мир устроен несколько сложнее, чем наши представления о нем. Мир состоит из взаимно пересекающихся, перекрывающих друг друга коллег. Приходится постоянно идти на компромисс... Повсюду территориальные войны и двойные стандарты. Да, сотрудники нашего центра время от времени устраивают вечеринки и приглашают друг друга. Как везде. Да, я была против того, чтобы Аннабет приглашала к себе Катрине. Нашим пациентам становится не по себе, когда они понимают, что врачи и психологи тоже люди... День за днем они вытаскивают пациентов из болота наркозависимости, но иногда им тоже хочется расслабиться, и тогда они пьют... Конечно, большинство не переходит границ... Хотя и не все. Некоторые напиваются до бесчувствия. Разница между зависимым и так называемым нормальным человеком заключается в том, что последний как-то приспосабливается к требованиям повседневной жизни. На работу так называемые нормальные люди выходят трезвыми, пьют пиво на солнышке – и на том останавливаются. Лично мне приемы, которые устраивает Аннабет, представляются отвратительным ритуалом. Да, я не оговорила. То, что происходит на приемах у Аннабет, кажется мне отвратительным, и я против такого «неформального» общения. Когда же на подобные сборища приглашают пациентов, как в тот раз Катрине,

все становится еще хуже. Прием оборачивается своего рода подтверждением. Пациент должен доказать, что способен справиться с той жизнью, в которую ему предстоит вернуться.

– Своего рода приемный экзамен в нормальный мир?

– Я бы выбрала другие слова, но вы меня поняли.

– Вы встревожились, когда ей стало плохо?

Сигри Хёугом долго молчала. Тяжело вздыхала, смотрела в окно и медленно чесала ногу. Было тихо; тиканье настенных часов напоминало шум дождя. Гунарстранна посмотрел на них: старомодные, кустарной работы, с циферблатом из матового фарфора, покрытого пятнами. Римские цифры были нарисованы очень аккуратно, с той же аккуратностью изготовили стрелки. Сверху деревянный корпус украшал резной орел. Маятник покачивался из стороны в сторону между двумя гирьками, похожими на еловые шишки.

– Если бы она не умерла... конечно, ее состояние вызвало бы у меня тревогу, – произнесла наконец Сигри, тряхнув своими серебристыми волосами.

– А тогда, у Аннабет?

– Я пробовала поговорить с ней, но мне показалось, что ей стало легче. Наверное, съела что-нибудь, что не могла переварить, а потом все прошло...

– Значит, тем вечером ее состояние не вызвало у вас тревоги?

– Раз уж вы спросили... сейчас я жалею, что не отнеслась к происходящему серьезнее. По-моему, нам всем нужно было отнестись к ней повнимательнее.

– Такое уже случалось раньше? То есть... чтобы пациенту вашего центра стало так плохо?

На губах Сигри заиграла красноречивая улыбка.

– В ту субботу я впервые была в гостях у Аннабет и для меня было вновь видеть столько сотрудников центра... в неофициальной обстановке. Подобные приемы устраиваются нечасто.

– По какому поводу собрались в субботу?

– Официально в честь начала лета... Наверное, Катрине пригласили, потому что скоро ей предстояло нас покинуть и вернуться в большой мир. Ее лечение подходило к концу.

– Много ли у вас пациентов, которых можно считать излеченными?

– Показатели не слишком высокие... нет.

Гунарстранна посмотрел в пол.

– Так везде? – спросил он.

– В некоторых клиниках и центрах добиваются лучших результатов... Цифры выше ненамного, и все же... Вот Катрине добилась выдающихся успехов. Но не думайте, что нам можно почивать на лаврах. Многие считают, что наши провалы напрямую связаны с нашими законами. Пациенты попадают к нам принудительно; их направляют органы опеки. Но удерживать их у себя насильно мы не имеем права. Они часто убегают. То же самое происходит и со многими так называемыми нормальными людьми: они идут по пути наименьшего сопротивления.

– Как вы думаете, почему в тот вечер Катрине тошнило? По-вашему, она что-то не то съела?

– Понятия не имею. – Сигри снова задумалась. Она полулежала на диване, подогнув под себя ноги, одну руку положила на лодыжку, а на другую облокотилась. – Помню, Катрине и Аннабет о чем-то разговаривали; я подошла к ним. С ними еще стоял приятель Катрине... Он подхватил ее, когда она упала.

– Катрине потеряла сознание?

– Не знаю.

Гунарстранна терпеливо ждал.

– Да, возможно, она потеряла сознание, – произнесла Сигри Хёугом.

– А вы что?

– Пошла за ними, за Катрине и ее бойфрендом, в ванную. Через какое-то время он открыл дверь. Она оставалась внутри. Он сказал, что ей уже лучше и она скоро выйдет. Я немного подождала и через несколько минут постучала к ней. Она в ответ крикнула, чтобы я не беспокоилась. Потом она все-таки открыла. Я вошла; она сидела на крышке унитаза. Помню, я ее умыла. Выглядела она почти как всегда, только ее трясло. Сначала она попросила меня вызвать такси, а потом передумала... то есть она снова попросила меня не беспокоиться. Кажется, она собралась сама позвонить в службу такси или кому-нибудь из знакомых, чтобы ее отвезли домой.

– Вы говорили ей что-нибудь еще?

– Нет. Чуть позже я спросила у Аннабет, где Катрине, и Аннабет ответила, что она, наверное, уехала домой, потому что ей стало плохо.

– И что вы подумали?

– Мне стало не по себе. Она очень расстроилась из-за одного инцидента, который произошел раньше в тот же день, и...

– Что за инцидент? – перебил ее Гунарстранна.

– Кажется, в бюро путешествий, где она работала, ворвался один ее старый знакомый.

– Кто?

– Имени я не знаю. Но за пару часов до того, как мы встретились у Аннабет, она мне позвонила... Наверное, было часов пять, то есть она уже пришла с работы...

По ее словам, у нее кое-что случилось. – Сигри нахмурилась. – Говорила она как-то бессвязно, кажется, упоминала о каком-то знакомом из ее наркоманского прошлого. Вот почему ей понадобилось срочно со мной поговорить. Она настаивала на личной встрече.

– Почему?

– Потому что... – Сигри задумалась, подыскивая нужные слова. Гунарстранна молча наблюдал за ней. – Потому что мы с ней часто вели... доверительные разговоры. Мы с ней неплохо ладили.

– О чем она хотела поговорить в тот раз?

Подумав, Сигри Хёугом ответила:

– Я спросила, нельзя ли все обсудить по телефону, и она ответила, что нет. Помню, я еще посмотрела, сколько времени. – Сигри показала на громко тикавшие настенные часы. – Начало шестого, а в половине седьмого мы должны были быть у Аннабет. Я прикинула, сколько времени мне понадобится на душ и все остальное. Я... ну, в общем, пыталась все успеть, скажем так, и спросила, не могу ли я заскочить к ней до приема, но Катрине ответила: нет.

– Чем она объяснила свое нежелание вас принять?

Сигри пожала плечами:

– Кажется, сказала, что ничего страшного, поговорим потом. Мне это не очень понравилось, потому что я знала, что она очень обидчива, тяжело воспринимает отказ. Поэтому я спросила: «Ты уверена?» И еще раз предложила за ней заехать. Но она спросила, найдется ли у меня время завтра, то есть в воскресенье, на следующий день после званого ужина. Я ответила, что да, но... встреча так и не состоялась.

– Вы не помните, как именно она рассказывала о случившемся? Меня интересуют точные слова.

Сигри задумалась. Гунарстранна отпил кофе и снова одобрительно кивнул.

Сигри закрыла глаза.

– Она сказала: «Ко мне пришли...» Нет, не так: «Кое-что случилось на работе... Явился один человек из моего прошлого. Мне нужно поговорить с тобой, иначе я сломаюсь». Что-то в этом роде – точных слов я не помню.

– «Иначе я сломаюсь»?

Сигри кивнула.

– Как вы истолковали ее слова?

– Да никак. Просто такой оборот речи, вроде «Кажется, я сейчас упаду в обморок» или «Ой, я сейчас умру», как говорят некоторые.

– И что вы ей ответили?

– Спросила: «Кто же это, милая?» или «Милая, кто же к тебе приходил?»

– Вы с ней были настолько близки? Вы называли ее «милой»?

– Ну да.

– Вы так же обращаетесь к другим пациентам?

– У меня со всеми складываются неплохие отношения...

– И вы ко всем обращаетесь одинаково?

– Нет. Наверное, можно сказать, что у нас с Катрине... отношения были особыми.

– Почему?

Сигри не спешила с ответом. В конце концов она сказала:

– Потому что у нас с ней... – Она еще немного подумала. – Наверное, Катрине чем-то отличалась от других... Да, по-моему, она была не такая, как все. Катрине была особенная.

Гунарстранне показалось, что Сигри пытается что-то объяснить себе самой. Она смотрела в одну точку, словно забыв о его присутствии.

– Было в ней что-то такое... – Она еще помолчала и добавила: – Хотя... не знаю. В такие минуты, как сейчас, кажется... возможно, нас с ней просто потянуло друг к другу. Но самое главное, она очень долго доверяла мне свои секреты.

– Доверяла?

– Да. Возможно, с медицинской точки зрения это было не очень полезно, но она предпочитала меня многим другим.

– И все же она так и не сказала, кто приходил к ней на работу и что там произошло?

– Нет. Мы договорились встретиться на следующий день.

– Вы пробовали связаться с ней в воскресенье?

– Днем я звонила ей, но она не взяла трубку.

– Что вы подумали?

– Подумала, что она забыла о нашем уговоре или перезвонит мне сама позже. В конце концов, мы ведь так и не назначили время встречи.

– Что за человек ее бойфренд? – спросил Гунарстранна после паузы, прочистив горло.

– А, ерунда. Пустышка!

– Пустышка?

– Да, мне так кажется. Снаружи еще куда ни шло, а внутри, – она постучала себя пальцем по голове, – пусто! Он ее очень ревновал... что говорит о его инфантилизме.

– Он склонен к насилию?

– Н-нет... я так не думаю.

– Как по-вашему, он бил ее?

– Нет. – Сигри покачала головой. – Нет, иначе она бы со мной поделилась.

– Как проявлялась его ревность?

– По-моему, он боялся, что она изменяет ему с другими мужчинами.

– А она ему изменяла?

– Понятия не имею.

– Значит, она не всем с вами делилась?

– Скажем, такого рода тайны меня не интересовали.

– На званом ужине к ней кто-нибудь приставал?

– Что значит «приставал»?

Гунарстранна посмотрел ей прямо в глаза:

– По-моему, вы прекрасно поняли, что я имею в виду. Кто-нибудь из гостей проявлял к ней... повышенное внимание, отпускал двусмысленные шуточки и так далее?

– Сомневаюсь.

– Почему?

Сигри задумчиво смотрела в одну точку.

– Если бы так было, тот, кто проявлял к ней интерес... потом ушел и позже вернулся, и вел себя так, чтобы не вызывать подозрений...

– Да, все возможно.

– Нет... – Она покачала головой. – Не может быть!

– И все-таки?

– Почему вы настаиваете?

– Вы хорошо ее знали, – ответил Гунарстранна, – она делилась с вами своими секретами... Может быть, кто-то из тех, кто присутствовал на званом ужине, в самом деле относился к ней... несколько своеобразно. Насколько допустимо подобное поведение – вопрос другой. Вы можете сказать, положила руку на сердце, что все гости в тот вечер неотлучно оставались в доме?

– Нет.

– Почему?

– После того как мы встали из-за стола, несколько человек решили поехать в город. Одни гости были наверху, другие внизу, третьи гуляли в саду. Кто знает?

– Вы помните, кто именно поехал в город?

– Несколько человек отправились в «Смугет»... Инициатором был некто Гогген. Знаю, что он занимается эргономикой и его настоящее имя Георг Бек. С ним поехал Бьёрн Герхардсен...

– Хозяин, муж Аннабет?

– Да, он совсем как мальчишка-подросток! Остальных тоже уговаривал поехать и развлечься. Согласились несколько гостей помоложе. Не помню, сколько их было всего. Гогген и Бьёрн Герхардсен точно уехали, а с ними кто-то еще... Кажется, Уле Эйдесен, бойфренд Катрине.

– Почему вам так кажется?

– Я нигде не видела ни его, ни Катрине. Либо он ушел с Катрине, либо поехал с Гоггеном и остальными в развлекательный центр.

– А вы?

– Я? Я ходила туда-сюда... – Она нерешительно улыбнулась. – Думаете, я...

– Мы ничего не думаем, но, возможно, нам понадобится прослушать записи ваших бесед с Катрине.

– Зачем?

– Во время ваших бесед она могла упомянуть нечто, имеющее отношение к делу. Поэтому прошу вас, если вы что-нибудь вспомните, позвонить нам. – Он встал.

– Конечно, – заверила его Сигри, тоже вставая.

– Как вы узнали о ее смерти? – спросил Гунарстранна.

– На сегодняшнем утреннем совещании я первая упомянула о том, что Катрине не объявлялась с субботы... Кто-то вчера смотрел новости и запомнил, что в Мастемюре нашли мертвую женщину. Не знаю почему, но мы все вдруг испугались. А если это Катрине? Хеннингу, парню, который проходит у нас альтернативную службу, поручили позвонить ей на работу и все выяснить. – Сигри осторожно улыбнулась. – Не знаю, связались с вами до того или после, – добавила она.

– Значит, вы понятия не имеете, почему ее стошнило на званом ужине и куда она делась после того, как ушла оттуда?

– Ни малейшего.

– Как вы попали домой?

– За мной заехал муж.

– Когда?

– Поздно, очень поздно... Уже начало светать.

– У вас заботливый муж.

– Он всегда заезжает за мной. Когда мы были моложе, его самопожертвование меня слегка утомляло... Теперь же мне кажется, что это прекрасно.

– Но почему вы так задержались в гостях?

– Мы продолжали праздновать. В основном беседовали с Аннабет. Нечто среднее между заседанием швейного кружка рукоделия и производственным совещанием. Последние гости, по-моему, ушли в половине пятого утра. Потом я помогала Аннабет прибираться. Перед тем как я уехала, из города вернулся Бьёрн.

– Когда это было?

– Повторяю, уже начало светать, так что, наверное, около четырех утра.

– По-вашему, прием удался?

– По-моему, да.

– В тот вечер Катрине с кем-нибудь уединялась? Разговаривала с кем-нибудь особенно долго?

– Мне трудно сказать. Она ведь ушла раньше других, а я во время ужина сидела далеко от нее. В какой-то момент я заметила, что они с Уле пьют кофе. Вот и все,

что я заметила – до тех пор, пока ее не стошнило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dal-_h-ell-ola/posledniy-raschet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)